ОПРОВЕРЖЕНІЕ

КНИГИ М. М. БОРОДКИНА

»С. К. МИХАЙЛОВЪ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ. ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ОТЗЫВА СЕЙМА 1899 ГОДА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА ··· 1901.»

СОСТАВИЛЪ

CIVIS FENNICUS.

СТОКГОЛЬМЪ
Типографія О. Л. Сванбека
1903 г.

W IZBIE PAŃSTWOWEJ
KOLO POLSKIE
W PETERSBURGU.

722
27

Однимъ изъ болѣе плодовитыхъ финнофобовъ является безспорно генералъ-маіоръ М. М. Бородкинъ, — со стороны матери финскаго происхожденія . . . Генералъ Бородкинъ пишетъ уже давно — чуть ли не цѣлое десятилѣтіе — свои мерзкія статьи и пасквили о Финляндіи, главнымъ образомъ подъ различными псевдонимами: С. К. Михайловъ*) Г. А. Абовъ, А. П. Липранди(?) и т. д., мѣняя такимъ образомъ, подобно хамеліону, свою внѣшность. Всѣ эти лица, какъ дѣйствительный Бородкинъ, такъ и его подставныя, цитируютъ другъ друга весьма усердно, — для лучшаго эффекта и для подкрѣпленія своихъ фальсификацій и завѣдомо-ложныхъ выводовъ, а также съ цѣлью наводить читателя на мысль, будто число газетныхъ финнофобовъ больше дѣйствительнаго.**)

---

*) »Михайловъ», очевидно, является производнымъ словомъ отъ имени г:на Бородкина — Михайла. Впрочемъ, г. Б. въ своемъ библіографическомъ указателѣ »Финляндія въ русской печати» на стр. 314 самъ уже признаетъ, что »С. К. Михайловъ» есть лишь п с е в д о н и м ъ.

**) Такія цитаты встрѣчаются: у »Абова»: »Густавъ-Морицъ Армфельтъ», стр. 66, 137; у »Михайлова»: »Юридическое положеніе Финляндіи», стр. 37, 42, и т. д. То же явленіе повторяется и въ т. н. »гельсингфорсскихъ» корреспонденціяхъ г. Бородкина въ »Новомъ Времени» и прочихъ реакціонныхъ газетахъ.

При современномъ режимѣ, когда худшіе элементы общества призываются для содѣйствія къ т. н. »руссификаціи» и разграбленію Финляндіи, заслуги и г:на Б. были оцѣнены по достоинству. Говорятъ, онъ является главнымъ составителемъ тѣхъ изумительно наглыхъ и невѣжественныхъ документовъ, которые, будучи выработаны въ учрежденный при главномъ штабѣ коммиссіи, подъ названіемъ »объясненій» были приложены къ правительственнымъ пропозиціямъ 1899 г. относительно воинской повинности въ Финляндіи. Означенныя »объясненія» также во всемъ обнаруживаютъ слишкомъ уже поразительную гармонію съ разбираемою здѣсь книжкой: »Юридическое положеніе Финляндіи». Кромѣ того, генералъ-маіоръ Бородкинъ получилъ и другое оффиціальное назначеніе: по распоряженію своихъ протекторовъ онъ былъ приглашенъ даже въ русскій Государственный Совѣтъ »для дачи объясненій», при разсмотрѣніи въ Совѣтѣ, согласно противуконституціоннаго манифеста 3/15 февраля 1899 года, вопроса о преобразованіи воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ.

Приступая къ разбору сочиненія псевдонима »С. К. Михайлова», »Юридическое положеніе Финляндіи», поражаешься прежде всего массою завѣдомой лжи, подтасовокъ фактовъ, фальшивыхъ цитатъ, передержекъ, произвольныхъ толкованій и прямыхъ вымысловъ, характеризующихъ сплошь да рядомъ эту книгу, равно какъ и все, что исходитъ изъ подъ пера генерала Бородкина. Главнымъ образомъ книга его состоитъ лишь въ пережевываніи старыхъ, давно уже опровергнутыхъ, измышленій и искаженій гофмейстера Ордина, цензора Еленева и прочей братіи. Кстати упомянемъ, что содержаніе этой книги сочли даже нужнымъ переложить на французскій языкъ — вѣроятно по распоряженію заинтересованныхъ бюрократическихъ сферъ — подъ заглавіемъ »Condition juridique de la Finlande», знакомя такимъ образомъ, по собственному почину, европейскую интеллигенцію съ мерзостями тѣхъ полемическихъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ при попираніи правъ Финляндіи.

Уже одно заглавіе »Юридическое(?) положеніе Финляндіи» убѣждаетъ, насколько авторъ книги плохо освѣдомленъ въ вопросахъ государственнаго права.

Чтобы не занимать слишкомъ много мѣста, мы считаемъ лишнимъ предпослать здѣсь болѣе полную и подробную характеристику специфическаго метода г:на Бородкина; пусть факты говорятъ сами за себя.

Въ октябрѣ 1902 г.

I.

Послѣ приведенія »главнѣшихъ доводовъ» финляндскаго Сейма и Сената — въ извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отвѣта чрезвычайнаго Сейма и представленія Сената по поводу вопроса о воинской повинности*) —, г. Б. на стр. 10 смѣло выступаетъ съ тирадой:» . . . ни въ одномъ оффиціальномъ документѣ, исходившемъ изъ финляндскихъ учрежденій, край этотъ никогда государствомъ не назывался: едва *ли* не впервые это сдѣлали депутаты чрезвычайнаго сейма въ своемъ всеподданнѣйшемъ отзывѣ по уставу о воинской повинности».

Все это утвержденіе, конечно, — сплошная неправда! Обратимся, во всякомъ случаѣ, къ оффиціальнымъ документамъ. Въ введеніи къ учрежденію »Правительствующаго Совѣта» отъ 6/18 августа 1809 г. Александръ I называетъ всю Финляндію, какъ политическое цѣлое, государствомъ, въ отличіе отъ отдѣльныхъ ея частей — провинцій. Вотъ

*) Въ крайне неполномъ, впрочемъ, извлеченіи, поскольку оно касается Сейма.

подлинныя французскія слова этого документа: . . . »Il importait au bien-être de l'Etat que les administrations provinciales eussent un point central, un tribunal suprême qui pût les diriger» . . . И далѣе: ». . . considérant qu'une administration générale, revêtue d'une autorité suffisante . . . ., ne manquera pas d'exercer la plus salutaire influence sur le bien-être de l'Etat . . .» Но уже въ Высочайшихъ предложеніяхъ, переданныхъ Земскимъ Чинамъ при открытіи боргоскаго сейма, о Финляндіи неоднократно упоминается какъ о государствѣ. Такъ въ первой пропозиціи о »военномъ устройствѣ» значится, что »національное войско (milice nationale) составляетъ крѣпчайшій оплотъ безопасности государства — sauvegarde la plus puissante de la sûreté d'un Etat»; во второмъ предложеніи о взиманіи податей встрѣчается также выраженіе: »Этотъ размѣръ (податей) долженъ быть сообразованъ съ потребностями государства — aux besoins de l'Etat».

Въ подписанномъ Императоромъ русскомъ текстѣ постановленія отъ 31 декабря 1811 г., относительно преобразованія Выборгской губерніи, дословно говорится: »Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ Чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ Конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ».*) Къ сказанному присовокупимъ еще крылатыя слова довѣреннаго лица Императора при устройствѣ дѣлъ Финляндіи, Сперанскаго; въ всеподданнѣйшемъ его отчетѣ отъ 11 февраля 1811 г. онъ прямо такъ и пишетъ: »Финляндія есть государство, а не губернія», и это начало было послѣдовательно проведено при всѣхъ приготовительныхъ мѣрахъ, вызванныхъ созывомъ сейма и устройствомъ Финляндіи.

---

*) Въ Высочайше исправленномъ французскомъ черновикѣ этого документа Императоръ, при просмотрѣ его, собственноручно вычеркнулъ употребленныя относительно Финляндіи слова »incorporé à Notre Empire».

Вступительныя слова Высочайшаго манифеста Императора Николая I 21 апрѣля 1826 г. были таковы: »Съ самаго начала царствованія Нашего и управленія различными подвластными Скипетру Нашему государствами (по-шведски — »stater») примѣненіе» и пр. Высочайшій коронаціонный манифестъ, или грамота помилованій (Pardons-Placat) 22 августа 1826 г. начинается также слѣдующими словами: ». . . . узы, соединяющія Насъ съ обитателями унаслѣдованныхъ Нами, по кореннымъ законамъ, государствъ . . . .» Въ данныхъ случаяхъ подъ словомъ »государства» должно, конечно, подразумѣвать: Великое Княжество Финляндское и автономное тогда еще Царство Польское.

Императоръ Александръ II въ манифестѣ 10 апрѣля 1861 года говоритъ о »государственныхъ чинахъ» Финляндіи. А въ тронной рѣчи, произнесенной на французскомъ языкѣ, при открытіи сейма 1863 г. онъ заявляетъ: ». . . Отчетъ о положеніи финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы — les revenus de l'Etat — всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ»; и далѣе въ той же рѣчи: »Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ . . . покажетъ, что нынѣшніе доходы государства — les revenus actuels de l'Etat — достаточны для погашенія этого долга съ процентами . . .» По поводу передачи Земскимъ Чинамъ на сеймѣ 1867 г. разработаннаго по собственнымъ Его Величества »предначертаніямъ» проекта новаго Сеймового Устава Александръ II въ тронной рѣчи между прочимъ выражаетъ предположеніе встрѣтить сочувствіе къ своимъ »мыслямъ и желаніямъ установить собраніе представителей, облеченныхъ довѣріемъ народа, сообразно тому, чего требуетъ достоинство торжественнаго призыва на соучастіе въ государственной работѣ». Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 9 марта 1885 г. значится, что временный кодификаціонный комитетъ учреждается »для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи . . . .»

Сверхъ сего, и въ сенатскихъ заключеніяхъ и въ трактатахъ, заключаемыхъ съ иностранными державами, употребляется выраженіе государство по адресу Финляндіи. Такъ, напр., въ всеподд. представленіи Сената (въ 1825 г.), по поводу превышенія власти генералъ-губернаторомъ графомъ Закревскимъ, говорится: »un nouveau mesurage de tous les grands chemins du pays, qui tomberait également à charge à l'Etat et aux cultivateurs etc.»; въ декларации касательно перевозки почтъ въ зимнее время между Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и Королевствомъ Шведскимъ, отъ 6/18 сентября 1872 года, сказано: »le bateau à vapeur jouira dans les ports finlandais des mêmes avantages dont y jouissent les bâtiments de l'Etat du Grand-Duché de Finlande» и т. д. Въ оффиціальныхъ документахъ встрѣчаются также такія выраженія, какъ государственный бюджетъ (statsbudget), государственный долгъ (statsskuld) Финляндіи, и т. д.

Что касается Земскихъ Чиновъ Финляндіи, то они, также какъ и коммиссія законовъ сейма — какъ докладываютъ чины чрезвычайнаго сейма, стр. 137 —» не только въ принятыхъ законопроектахъ, но и въ другихъ случаяхъ, неоднократно признавали, что Финляндія, пользуясь государственною автономіею, нераздѣльно соединена съ Россійскою Имперіею и составляетъ часть россійскаго государства». Такъ, напр., въ отвѣтѣ Земскихъ Чиновъ 1891 года на пронозицію относительно измѣненій въ Уложеніи о наказаніяхъ значится почти тѣми же словами: »Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго ..... можно вкратцѣ выразить такъ, что Финляндія, пользуясь государственною автономіею, нераздѣльно соединена съ Россійскою Имперіею и составляетъ часть Россійскаго Государства». Приведенныхъ примѣровъ, пожалуй, на этотъ разъ достаточно.

На стр. 59 »Михайловъ» еще разъ возвращается къ своему, только что опровергнутому измышленію, будто Финляндія »никогда государствомъ не называлась». »Когда Императоръ Александръ I говорилъ о Польшѣ, — присоединяетъ онъ — то называлъ ее королевствомъ». »Я создалъ это королевство» . . . »гражданская часть этого королевства» . . . . По отношенію къ Финляндіи онъ этого не дѣлалъ» и т. д. Такъ ли оно въ дѣйствительности? Мы уже видѣли, что Александръ I неоднократно называлъ Финляндію государствомъ; наряду съ этимъ онъ вѣдь именуетъ ее также Великимъ Княжествомъ. Помимо того, что онъ уже въ манифестѣ 20 января/1 февраля 1809 г. о созывѣ общаго сейма въ г. Борго принялъ титулъ »Великаго Князя Финляндскаго», онъ въ своемъ торжественномъ актѣ удостовѣренія 15/27 марта 1809 г., впервые, называетъ Финляндію Великимъ Княжествомъ. Въ манифестѣ 21 февраля 1816 г. онъ, сверхъ сего, противопоставляетъ Финляндію остальной части государства россійскаго и присоединенному къ оному съ недавняго времени Царству Польскому. Со всѣмъ этимъ согласуются какъ нельзя больше и извѣстныя изреченія Императора о намѣреніи его управлять страной »какъ свободнымъ народомъ», о томъ, что финскому народу дано »бытіе политическое», что онъ возведенъ »въ чреду народовъ», и т. д.

* * *

Столь же ложнымъ и произвольнымъ какъ первое утвержденіе, является и второй »тезисъ» »Михайлова», гласящій: »Замѣчательно, что до шестидесятыхъ годовъ финляндцы признавали свою родину русской автономной провинціей и ни о какихъ государственныхъ соединеніяхъ съ Имперіей не говорили» . . .

Если обратимся къ финляндской литературѣ временъ Александра I, то найдемъ, что, напр., въ самой вліятельной

тогдашней финляндской газетѣ »Åbo Morgonblad»*) 1821 г. въ статьѣ »Взглядъ на наше отечество», говорилось слѣдующее: »Императоръ Александръ осуществилъ соединеніе**) нашей страны съ могущественною россійскою державою, такимъ образомъ, что императоръ не только не смотрѣлъ на насъ какъ на покоренный народъ, но предоставилъ намъ нашу конституцію.**) Александръ объявилъ, что Финляндія отнынѣ перестала быть провинціею**) что она, напротивъ, будетъ пользоваться полноправнымъ самоуправленіемъ, подъ его благословеннымъ скипетромъ»***), Подобнымъ образомъ и д-ръ И. Вассеръ въ своей изданной въ 1838 г. брошюрѣ о »Союзномъ трактатѣ Швеціи съ Россіей 1812 г.» указываетъ на то, что Финляндія, въ силу боргоскихъ событій, сдѣлалась особымъ государствомъ съ представительными установленіями, съ собственной формою правленія и съ собственными законами». Тотъ же Вассеръ и впослѣдствіи въ журналѣ »Мимеръ» 1839 г. въ статьѣ о »Боргоскомъ сеймѣ и положеніи Финляндіи въ 1812 г.» развиваетъ далѣе мысль, что Финляндія послѣ 1809 г. составляетъ »независимое отъ системы правленія Россіи государство», формы котораго поддерживаются »самимъ финскимъ національнымъ духомъ и исходящимъ изъ него стремленіемъ составлять одно цѣлое само по себѣ».

Упомянувши лишь вкратцѣ о первой брошюрѣ Вассера, »Михайловъ» почему-то обходитъ полнымъ молчаніемъ вторую брошюру. Но зато онъ излагаетъ весьма обстоятельно высказанныя А. І. Арвидсономъ въ 1838 г., въ брошюрѣ »Финляндія и ея будущность», по сему предмету разсужденія, основанныя на менѣе сознательномъ отношеніи къ фактамъ и написанныя, видимо, подъ мрачнымъ вліяніемъ тѣхъ

---

*) Главнымъ редакторомъ этой газеты былъ извѣстный публицистъ А. І. Арвидсонъ, о которомъ будетъ еще сказано ниже.

**) Курсивы наши.

***) »Вѣстникъ Европы», декабрьская книжка 1898 г., Л. Мехелинъ: »Новая книга г-на Ѳ. Еленева и поправки къ ней».

невзгодъ и разочарованій, которымъ подвергался этотъ мужественный публицистъ, изгнанный правительствомъ изъ родины за выраженныя имъ притязанія на бо́льшую долю свободы и самодѣятельности общества. Авторъ, однако, ни слова не упоминаетъ о томъ, что тотъ же Арвидсонъ въ позднѣйшей, напечатанной въ 1841 г., брошюрѣ »Современное государственное устройство Финляндіи» совершенно отрекается отъ означенныхъ неисторическихъ своихъ толкованій, примыкая по существу къ мнѣнію Вассера.

Вообще говоря, однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ г. Бородкина — и ему подобныхъ — представляется выводъ общихъ заключеній изъ совершенно исключительныхъ явленій и систематическое замалчиваніе всей совокупности тѣхъ обстоятельствъ, коими опредѣляется истинный смыслъ даннаго вопроса, если только освѣщеніе этихъ обстоятельствъ представляется нежелательнымъ для его цѣлей. Указанный пріемъ повторяется у него сплошь да рядомъ. Такъ, напр., останавливаясь спеціально, на стр. 13, на политиканствованіяхъ ничтожнаго и совершенно неизвѣстнаго литератора фонъ Бюргхауза, г. Бородкинъ проходитъ молчаніемъ, что, напр., такая крупная личность какъ З. Топеліусъ въ календарѣ »Іоукахайненъ» 1843 г. въ статьѣ объ исторіи финскаго народа м. пр. пишетъ, что Финляндія до 1809 г. составляла лишь провинцію шведскаго государства, но что послѣ этого года, когда Финляндія стала государствомъ, хотя и въ нераздѣльномъ соединеніи съ Россійской Имперіей, она болѣе, чѣмъ это было до того, составляетъ, такъ сказать, особый политическій субъектъ . . .» Извѣстный финляндскій государственный мужъ, публицистъ и ученый І. В. Снельманъ также въ »Litteraturbladet för allm. medborgerlig bildning» 1859 г. указываетъ на то, что Финляндія есть государство, а не провинція.

Какъ видно, финляндцы до 1860 г. имѣли столь же правильныя понятія о политическомъ положеніи ихъ края, какъ и послѣ, хотя, разумѣется, политическій пульсъ въ Финляндіи и билъ сильнѣе въ царствованіе Александра II, нежели въ

предшествовавшій реакціонный періодъ времени. Къ сказанному можно еще присовокупить, что »государственное право» Финляндіи читалось также къ царствованіе Николая I на юридическомъ факультетѣ университета, согласно уставамъ 1828 и 1852 гг. Систематическая разработка этого предмета ведетъ свое начало отъ лекцій и сочиненій выдающагося юриста И. Я. Нордстрема, состоявшаго профессоромъ университета съ 1834 по 1845 г. Даже иностранные юристы не оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно государственно-правового положенія далекой Финляндіи. Французскій юристъ O. F. Angelot издалъ въ 1834 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: »Sommaire des législations des Etats du Nord, Danemark, Norvège, Suède, Finlande et Russie. Pour servir à l'étude de la législation comparée». Здѣсь мы читаемъ: »La grande principauté de Finlande, après avoir été pendant près de sept siècles reunie à la Suède, dont elle partagea les vicissitudes politiques et législatives, est depuis 1809 unie à la Russie, mais sans y être incorporée, et de manière qu'elle forme un petit Etat à part, ayant, comme naguère la Pologne, ses frontières, sa constitution, sa législation, son administration, son armée et ses finances particulières». Затѣмъ, Анжело подробно передаетъ содержаніе основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг., утвержденныхъ манифестомъ 15/27 марта 1809 г.*)

Завѣдомо-ложнымъ представляется утвержденіе, будто профессора Германсонъ, Мехелинъ, Даніельсонъ и пр. отстаиваютъ положеніе, что Финляндія »ничего общаго» не имѣетъ съ Россіей, »кромѣ монарха».**) Въ Финляндіи каждый знаетъ, что, сверхъ династическихъ дѣлъ, общегосударствен-

---

*) Курсивы наши. — См. »Вѣстникъ Евр.: Новая книга г-на Θ. Еленева . . . .» стр. 817.

**) Мимоходомъ укажемъ также, что сборникъ Пальмена 1861 г. не изданъ подъ заглавіемъ »Основные законы Финляндіи», а носитъ полностью названіе: »Основные законы Вел. Кн. Финл. съ принадлежащими къ нимъ государственными актами.»

ными являются также внѣшне-политическія и консульскія дѣла; что финляндская конституція признаетъ за монархомъ весьма широкую власть; что Россія въ правѣ держать свои войска въ Финляндіи и свой флотъ въ финляндскихъ портахъ, занимать своими гарнизонами крѣпости страны и т. д. Всѣ эти и подобныя обстоятельства всегда явно и лояльно выставлялись финляндскими авторами въ ихъ трудахъ*).

Настоящей клеветой представляется также заявленіе, будто І. В. Снельманъ »въ 1861 г. измѣнилъ свое мнѣніе и призналъ Финляндію за провинцію Россіи.» На этотъ счетъ намъ незачѣмъ распространяться: всею своею дѣятельностью, какъ предшествовавшею, такъ и послѣдующею, Снельманъ самъ опровергаетъ взводимыя на него своеобразныя нареканія г. »Михайлова». Такъ, напр., въ журналѣ »Litteraturbladet» N:o 7, вышедшемъ въ сентябрѣ 1861 г., онъ между прочимъ говоритъ**): »Швеція не уступала и не могла уступить ничего другого, кромѣ провинціи Финляндіи. Швеція при своихъ мирныхъ трактатахъ не располагала какимъ-либо самостоятельнымъ государствомъ.... Государствомъ***) Финляндія стала лишь послѣ и путемъ соединенія ея съ Россіей... Трактатъ заключалъ въ себѣ скорѣе конецъ тому, что было раньше. Это былъ конечный пунктъ прежняго государственно-правового отношенія Финляндіи, положенія ея какъ провинціи. Новое начинается троннымъ удостовѣреніемъ и клятвоприношеніемъ (hyllningen) на боргоскомъ сеймѣ.... Шагъ, сдѣланный тогда Финляндіей — былъ переходъ отъ провинціи къ государству».***)

---

*) См., напр., отдѣлъ: »С. Финляндія какъ часть Россійскаго Государства» въ трудѣ профессора Р. Германсона: »Государственно-правовое положеніе Финляндіи», выпускъ 2-й, стр. 195—247.

**) По поводу загорѣвшейся полемики о не удавшейся статьѣ Снельмана, написанной подъ сильнымъ давленіемъ цензуры и первоначально даже исправленной генералъ-губернаторомъ.

***) Курсивъ нашъ.

Вообще »Михайловъ», для своихъ спеціальныхъ цѣлей, силится доказать, хотя и совершенно напрасно, существованіе какого-то особаго разногласія во взглядахъ финляндскихъ авторовъ относительно политическаго положенія ихъ отечества. По существу всѣ они одного только мнѣнія, которое заключается въ положеніи, столь вѣрно формулированномъ Земскими Чинами, и которое мы въ предыдущемъ уже имѣли случай изложить.

II.

Толкуя о положеніи Финляндіи, »Михайловъ», по примѣру г. Ордина, приводитъ въ числѣ своихъ доводовъ, также и различныя военныя прокламаціи, декларацiи и оффиціальныя русскія воззванія и манифесты, изданныя еще при переходѣ русскихъ войскъ въ 1808 г. черезъ границу, равно какъ и въ самый разгаръ войны, когда военныя дѣйствія велись еще съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ теченіе лѣта 1808 г. русскія войска терпѣли, какъ извѣстно, неоднократно пораженія и значительная часть Финляндіи была отвоевана обратно; сверхъ сего, во многихъ мѣстахъ загоралась народная война. Намѣренія же Императора Александра относительно будущаго положенія Финляндіи въ это время еще не установились съ полной опредѣленностью, его планы тогда не были еще облечены въ окончательную форму. За означенными документами поэтому, само собой, нельзя признать какого-либо значенія, или силы источника по данному вопросу, — ни по праву завоеванія, такъ какъ завоеваніе страны, какъ мы видѣли, было еще далеко не совершившимся фактомъ, ни съ точки зрѣнія юридической въ виду того, что условія Государя не были признаны ни финскимъ народомъ, ни шведскимъ правительствомъ. Со-

образно съ этимъ, и вызванная въ Петербургъ депутація отъ четырехъ сословій Финляндіи не согласилась съ точкой зрѣнія Императора, заявивъ, что она по праву не можетъ считаться законной представительницею своей страны. Только послѣ этого Императоръ 1 февраля созвалъ Земскихъ Чиновъ Финляндіи къ 22 марта 1809 г., »сообразно съ установленіями страны», на общій сеймъ въ городъ Борго. Учредительно-рѣшающее значеніе для новаго положенія Финляндіи съ государственно-правовой точки зрѣнія, т. е. въ смыслѣ дальнѣйшаго и неизмѣннаго дѣйствія конституціи и основныхъ законовъ ея, имѣютъ такимъ образомъ торжественный актъ удостовѣренія Императора Александра I, а также присяга Земскихъ Чиновъ на основѣ конституціи въ г. Борго въ день 15/27 марта 1809 г. Объ этихъ обоюдныхъ клятвенныхъ актахъ будетъ сказано впослѣдствіи болѣе подробно.

Манифесты отъ 20 марта и 5 іюня 1808 г. имѣютъ, конечно, извѣстнаго рода историческій интересъ, доказывая намѣренія Императора »навсегда» присоединить Финляндію къ Россіи, причемъ въ послѣднемъ манифестѣ явно значится на условіи »свято хранить» за краемъ его »древнія установленія». Но къ числу документовъ, установившихъ соединеніе Финляндіи съ Россіей или положившихъ основанія этого соединенія, они отнюдь не принадлежатъ и ни въ какомъ случаѣ принадлежать не могутъ.*)

*) Довольно своеобразнымъ документомъ является, на самомъ дѣлѣ, манифестъ 20 марта 1808 г.: русскія войска 21 февраля 1808 г. перешли черезъ границу, безъ предварительнаго объявленія войны, а мѣсяцъ спустя, въ самомъ началѣ войны, въ названномъ манифестѣ уже объявлено державамъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи, т. е. за полтора года до заключенія мирнаго трактата. Поэтому нельзя не согласиться съ профессоромъ Фр. Деспанье (»Финляндскій вопросъ съ юридической точки зрѣнія», стр. 13), что таковое »дѣніе, съ правовой точки зрѣнія, составляло грубую и беззаконную конфискацію, такъ какъ оно состоялось безъ объявленія войны и не являлось слѣдствіемъ трактата, который юридически оправдывалъ бы присоединеніе». Что ка-

Напрасно »Михайловъ» на стр. 12 старается отнести словечко »вновь», встрѣчаемое въ торжественномъ актѣ удостовѣренія 15/27 марта 1809 г., къ прокламаціямъ, появившимся еще до клятвеннаго утвержденія Императоромъ въ Борго конституціи и основныхъ законовъ Финляндіи. Очевидно, это слово обозначаетъ то, что естественнымъ образомъ вытекаетъ и изъ самаго смысла текста удостовѣренія, а именно, что Императоръ »вновь утвердилъ и удостовѣрилъ» тѣ самые законы, которые и прежде дѣйствовали въ Финляндіи.

Что касается фридрихсгамскаго мирнаго трактата 5/17 сентября 1809 г., то въ этомъ трактатѣ отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи и переходъ ея подъ скипетръ россійскаго государя получили международное подтвержденіе. Въ статьѣ IV названнаго трактата, съ одной стороны, говорится, что Финляндія и финляндскія провинціи »appartiendront désormais en toute propriété et Souverainité à L'Empire de Russie et lui restent incorporés». Но въ статьѣ VI того же трактата, съ другой стороны, прибавлена крайне существенная оговорка: въ виду того, что вопросъ относительно управленія новоприобрѣтенной страной ужъ разрѣшенъ самымъ справедливымъ образомъ Императоромъ, обезпечившимъ великодушно и по собственному побужденію ея жителямъ »свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества», то король Швеціи — какъ значится въ трактатѣ — »тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ на пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія».*)

сается спеціально манифеста 5 іюня, то онъ преслѣдуетъ совершенно случайную цѣль — главнымъ образомъ ослабленіе нравственнаго впечатлѣнія побѣдъ, одержанныхъ непосредственно передъ этимъ финскою арміей.

На стр. 19, вслѣдствіе ли опечатки, сказано, что манифестъ 23 марта изданъ 1808 г., вмѣсто 1809 г.

*) Цѣликомъ статья VI этого трактата гласитъ такъ: »Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant donné déjà les preuves les

Извѣстно, что Государь уже за полгода до заключенія мира, вступилъ въ фактическое обладаніе Финляндіей, будучи признанъ народными представителями какъ законный монархъ страны въ качествѣ ея Великаго Князя, и тутъ же, на сеймѣ въ Борго, окончательно и безповоротно установилъ, въ согласіи съ Земскими Чинами, государственно-правовое положеніе Финляндіи и ея будущее отношеніе къ Россіи; для этого онъ, со своей стороны, не считалъ необходимымъ содѣйствіе Швеціи.*)

»Само собой понятно, что трактатъ, заключенный потомъ со Швеціей, не могъ измѣнить установившагося и утвержденнаго клятвенно отношенія между россійскимъ государемъ и финскимъ народомъ, каковой народъ какъ въ соб-

---

plus manifestes de la clémence et de la justice, avec lesquelles Sa Majesté à résolu de gouvernerner les habitants du pays qu'Elle vient d'acquérir, en les assurant généreussement et d'un mouvement spontané du libre exercice de leur réligion, de leurs droits de proprieté et de leurs privilèges, Sa Majesté Suédoise se voit par là dispensée du devoir, d'ailleurs sacré, de faire des réservations là dessus en faveur de ses anciens sujets». — Въ русскомъ переводѣ выраженія: »... обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія» — какъ видно — не отвѣчаютъ французскому подлиннику.

*) Французскій профессоръ Фр. Деспанье въ брошюрѣ »Финляндскій вопросъ съ юридической точки зрѣнія», стр. 49 весьма мѣтко замѣчаетъ по поводу сего: »Самый фактъ такого договариванія (т. е. съ Финляндіей, помимо Швеціи) предполагаетъ у каждой изъ сторонъ признаніе за другой стороной ея юридической личности и правоспособности, необходимой для заключенія условія, о которомъ идетъ рѣчь. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, хорошо извѣстно, что только независимая юридическая личность. — т. е. государство, можетъ устанавливать путемъ договора съ другимъ государствомъ свое политическое и конституціонное положеніе .... Такимъ образомъ, Россія, согласно той самой доктринѣ, которая господствуетъ именно теперь, — устанавливая договорнымъ путемъ съ Финляндіей, представленной Сеймомъ, правовое положеніе этого Великаго Княжества и отношенія его къ Имперіи, тѣмъ самымъ, косвенно, но очень ясно, признала за Финляндіей характеръ государства».

ственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ монарха былъ уже его подданнымъ».*) Ничего подобнаго не имѣли въ виду въ дѣйствительности и сами договаривающіяся стороны. Напротивъ того, въ мирномъ трактатѣ помѣщена, со стороны Швеціи, явная ссылка на состоявшееся уже торжественное удостовѣреніе, данное Александромъ I на сеймѣ въ Борго. Такимъ образомъ, Швеція ясно поставила условіемъ, уже принятымъ Императоромъ, для уступки Финляндіи, — неприкосновенность политической конституціи и основныхъ законовъ этой страны.**) »Съ точки зрѣнія международнаго права — говоритъ профессоръ Фр. Деспанье — для насъ не представляетъ сомнѣній, что Швеція, въ силу фридрихсгамскаго трактата, имѣетъ право требовать уваженія къ этой статьѣ договора, совершенно также какъ державы, подписавшія въ Вѣнѣ актъ 9-го іюня 1815-го года, могли требовать сохраненія конституціи польской. Очевидно, что это замѣчаніе имѣетъ только юридическое значеніе, и, принимая во вниманіе политическое и военное положеніе Швеціи, съ одной

---

*) Б. Гецъ: »Государственно-правовое отношеніе между Финляндіею и Россіею«, стр. 39.

**) Кстати, приведемъ и отзывъ французскихъ государствовѣдовъ А. Пилле и Ж. Дельпешъ относительно значенія статьи VI фридрихсгамскаго мирнаго трактата (См. »La Question Finlandaise. Le manifeste du Tsar, examiné au point de vue du droit international« въ »Révue gén. de droit intern. publ.« май—іюнь 1900 г.): »... Взятыя вмѣстѣ, — говорится въ этомъ отзывѣ — статьи трактата, однако, не оставляютъ мѣста малѣйшему сомнѣнію. Статья VI, подъ смягченной формой, свойственной ей, повидимому, равносильна тѣмъ употребляемымъ столь часто условіямъ, въ которыхъ новая статья подтверждаетъ договоръ, какъ если бы выраженія этого договора слово въ слово были внесены въ текстъ; она явно включаетъ въ себя актъ удостовѣренія Царя; безъ преувеличенія можно также утверждать, что вслѣдствіе одного этого факта, упомянутыя обѣты, должны разсматриваться какъ составныя части содержанія трактата; что обозначало бы, безъ этого, ссылка Его Величества шведскаго короля на священный долгъ чинить условіе на пользу правъ прежнихъ своихъ подданныхъ и его объявленіе, что онъ освобождается отъ этого долга лишь вслѣдствіе добровольнаго почина завоевателя? ...«

стороны, и Россіи, съ другой, нельзя было бы и ожидать какого-нибудь результата отъ предъявленія протеста первой изъ этихъ державъ ко второй. Но мы выводимъ отсюда формальное заключеніе въ пользу того, что обязательства, принятыя на себя Россійской Имперіей, имѣли, — съ точки зрѣнія международнаго права, — дѣйствительно договорный и обязательный для нея характеръ.»

III.

Какъ легкомысленно авторъ обращается съ фактами, видно изъ слѣдующаго образца. На стр. 21 онъ категорически заявляетъ: »Ни въ Швеціи до 1809 г., ни въ Финляндіи по настоящее время не установлено съ точностью, что именно слѣдуетъ понимать подъ коренными (основными) законами».

Что касается, во-первыхъ, періода до 1809 года, то въ Формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г. было съ необходимой ясностью установлено, какіе именно законы должны быть признаны основными законами. Такимъ образомъ въ введеніи Формы Правленія сказано: »поэтому Мы . . . симъ объявляемъ и утверждаемъ сію Форму Правленія какъ ненарушимый и священный основный законъ, который Мы обязываемся соблюдать за Себя и преемниковъ Нашихъ, какъ рожденныхъ, такъ и имѣющихъ впредь родиться и буквальному содержанію онаго слѣдовать», и пр. Точно также въ Актѣ Соединенія и Безопасности опредѣленно сказано, что монархъ за себя и своихъ преемниковъ престола »призналъ за благо принять сей вышеизложенный Актъ Соединенія и Безопасности, какъ ненарушимый и незы-

блемый основный законъ . . . . .» *) Основными законами являлись также нѣкоторыя части королевскаго отдѣла Земскаго Уложенія (на основаніи м. пр.. § 2 Ф. Пр.), равно и законы, касающіеся риксдага: Уставъ о риксдагахъ 1617 г., Уставъ Рыцарскаго Дома 1626 г. (согласно § 32 Ф. Пр. и рѣшенія риксдага 1779 г.). Сверхъ сего, спеціальный законъ со свойствомъ основного закона составляетъ: Королевское постановленіе о продажѣ казенныхъ гейматовъ въ оброчные отъ 21 февраля 1789 г. (согласно § 3 Акта С. и Б.**)

Относительно основныхъ законовъ, изданныхъ въ Финляндіи послѣ 1809 г., также не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такъ »Сеймовый Уставъ Великаго Княжества Финляндскаго» 1869 г., замѣнившій собой вышеупомянутые уставы о народномъ представительствѣ, объявленъ въ своемъ § 83 »ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и Земскихъ Чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ». Сверхъ сего, этотъ законъ былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ II какъ »ненарушимый основный законъ съ сохраненіемъ за монархомъ принадлежащаго ему права въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ »Формѣ Правленія» 1772 г. и »Актѣ Соединенія и Безопасности» 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ». Точно также въ Высочайшемъ манифестѣ 18 декабря 1878 г. было объявлено, — 14 параграфовъ закона о воинской повинности того же года, »въ виду особеннаго ихъ значенія и

---

*) Замѣтимъ здѣсь, что русскій переводъ этихъ двухъ основныхъ законовъ, напечатанный въ приложеніяхъ къ сочиненію Ордина, »Покореніе Финляндіи», т. II, до крайности неточенъ.

**) Въ этомъ параграфѣ сказано, что означенное право крестьянъ относительно выкупа казенныхъ гейматовъ особымъ постановленіемъ отъ того же числа обезпечено настолько же прочно, »какъ еслибы оно было внесено сюда.»

отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ . . . . считать основными законами».

Значеніе основного закона имѣютъ также главнѣйшія постановленія регламента Императорскаго Финляндскаго Сената. Къ категоріи основныхъ законовъ относятся наконецъ: постановленіе 2 апрѣля 1864 г., манифестъ 13/25 іюня (о предоставленіи права моціи Земскимъ Чинамъ), постановленіе 11 ноября 1889 г., — измѣнившія собой, при соучастіи Земскихъ Чиновъ, соотвѣтствующія положенія въ основныхъ законахъ.

Г. »Михайловъ» крайне наивно замѣчаетъ: »Извѣстно также, что законы 1772 и 1789 гг. въ Швеціи не обозначались, какъ »конституція» королевства . . .» Но, вѣдь, уже одно названіе закона 1772 г. — »Форма Правленія» — обозначаетъ это самымъ недвусмысленнымъ образомъ, разъ извѣстно, что у Швеціи былъ конституціонный образъ правленія. Заключая въ себѣ основныя начала шведской конституціи, означенные законы уже по своему прямому внутреннему содержанію не оставляютъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ.

Далѣе авторъ говоритъ: »Такимъ образомъ, терминъ »коренные законы» не даетъ права утверждать, что подъ сими законами безусловно необходимо понимать форму правленія 1772 г. и актъ безопасности» 1789 г. . . .

Въ этомъ, само собой разумѣется, нѣтъ и тѣни откровеннаго и честнаго сомнѣнія! Весь вопросъ сводится лишь къ тому, держаться или не держаться истины. Доказывать очевидную какъ день истину представляется, собственно говоря, излишнимъ и даже возмутительнымъ . . . Стоитъ только прочесть грамоту удостовѣренія Александра I! Со всею возможною ясностью въ ней буквально вѣдь сказано, что Императоръ утверждаетъ и удостовѣряетъ »коренные законы», права и преимущества, коими . . . . . всѣ подданные Великое Кня-

---

*) См. объ этомъ ниже.

жество населяющіе . . . . »по Конституціямъ*) ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствій . . . . А что конституція Финляндіи по существу заключалась именно въ названныхъ законахъ, ясно для всякаго, кому эти законы, хоть мало мальски, извѣстны и который вообще одаренъ обыкновеннымъ здравымъ умомъ.**)

Что спеціально касается русскаго слова »коренные законы« то слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что эти законы во французскихъ подлинныхъ актахъ Александра I всюду передаются соотвѣтствующимъ терминомъ »loix fondamentales».***) Во-вторыхъ, русское слово »основные законы»,

---

*) Какъ извѣстно, Швеція въ царствованіе Густава III имѣла послѣдовательно двѣ особыхъ, довольно разнящихся между собою конституціи, заключающихся именно въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 гг. Изъ нихъ послѣдній въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ измѣнилъ конституцію 1772 г., оставляя ее во всемъ остальномъ ненарушимой. Этимъ объясняется выраженіе »конституціи« въ множественномъ числѣ, встрѣчающееся въ русскомъ подлинникѣ акта удостовѣренія Александра I.

**) Приведемъ, кстати, что, напр., въ русскомъ экземплярѣ Высочайше утвержденнаго церемоніала принесенія присяги 29 марта въ г. Борго значится: »Послѣ сего Генералъ Губернаторъ возвѣщаетъ, что Его Императорское Величество соизволилъ утвердить Конституцію Финляндіи собственноручнымъ подписаніемъ и прочитавъ въ слухъ подтвердительную грамоту вручаетъ оную Маршалу Дворянства».

***) Такъ, напр., Государь 28 марта, при открытіи боргоскаго сейма, т. е. наканунѣ прочтенія акта удостовѣренія, въ тронной французской рѣчи говорилъ о сохраненіи »loix fondamentales». Профессоръ Деспанье по поводу пустыхъ словъ, потраченныхъ Ординымъ и др. по настоящему вопросу, на стр. 19 пишетъ: »Для насъ, французовъ, эти деклараціи, сдѣланныя всѣ почти на нашемъ языкѣ, не оставляютъ мѣста никакимъ двусмысленностямъ, — по крайней мѣрѣ, для человѣка добросовѣстнаго. Монархъ, произносившій эти слова, не имѣлъ въ виду законовъ обычнаго права Финляндіи, какъ это хотѣли бы допустить теперь, но именно законы конституціонные, въ современномъ смыслѣ этого слова, которое Онъ отлично понималъ, какъ

какъ терминъ государственнаго права болѣе новаго происхожденія и еще не существовало ни въ концѣ 18, ни въ началѣ 19 столѣтій.*)

воспитанникъ швейцарца Лагарпа, посвятившаго его во всѣ тонкости французскаго языка, и Сперанскаго, совѣтами котораго былъ направленъ Его умъ далеко въ сторону отъ самовластія — на путь либеральныхъ реформъ.»

*) Профессоръ Р. Германсонъ въ трудѣ »Государственно-правовое положеніе Финляндіи», вып. I-й, стр. 87—88 приводитъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе. Такъ, напр., прилагательнаго »основной» вовсе нѣтъ въ Ручномъ Россійскомъ Словарѣ (Москва 1792 г.); въ Словарѣ Академіи Россійской (IV С.-Петербургъ 1793 г.); въ Новомъ россійско-нѣмецко-французскомъ словарѣ Гейма (Москва 1799, 1801 гг.); въ росс.-лат. словарѣ Лебедева (1825 г.) и въ Ручномъ Словарѣ росс.-нѣм. (Лейпцигъ 1839 г.) ... Татищевъ, въ полномъ французскомъ и россійскомъ лексиконѣ (Dictionnaire compl. fr. et russe, Петербургъ 1798 г.) переводитъ »la loi fondamentale de l'Etat» (см. слово fondamentale) »первоначальный, государственный, непремѣненный, коренной законъ», но и здѣсь ничего не говорится объ основномъ законѣ. Въ Dict. compl. Татищева подъ словомъ »fondamentale» мы читаемъ: »La loi fondamentale de l'Etat»: »фундаментальный, первоначальный, главный, коренной законъ», а не основной законъ; тоже и въ 3-мъ изданіи (1839 г.). Въ Handwörterbuch, Schmidt (1839 г. стр. 346) слово »Grundgesetz» переводится »первоначальный, коренной законъ» ... Въ полномъ русско-англ. словарѣ Александрова (1883) стр. 315 »коренной законъ» переведенъ »the fundamental law».

Во множествѣ новѣйшихъ словарей »коренной» и »основной» законъ приводятся какъ синонимы. — Въ нѣмецко-русскомъ словарѣ (Deutsch-Russisches Wörterbuch) Павловскаго (1886 г., стр. 635) »Grundgesetz» переведено прямо »коренной» (основной) законъ. Даль, толковый словарь живого великорусскаго языка, 1881 г. (II, стр. 165), сопоставляетъ »коренной законъ, основной, общій». Въ словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, составленномъ вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, 1847 г., подъ словомъ »коренной» сказано: 1) Составляющій корень или основаніе, основной, Коренный законъ (курсивъ въ подлинникѣ). — Г. Бородкинъ. приводя (очевидно, изъ сочиненія проф. Германсона) послѣдніе два словаря, со свойственной ему недобросовѣстностью, нарочно пропускаетъ годъ ихъ изданія!....

Поэтому-то и въ чисто русскихъ актахъ, относящихся къ началу нынѣшняго столѣтія, кореннымъ закономъ называется такой несомнѣнно государственный законъ какъ, напр., законъ Императора Павла отъ 5 апрѣля 1797 г. о престолонаслѣдіи. Въ манифестѣ 28 января/9 февраля (22 авг./3 сент.) 1826 г. этотъ законъ, равнымъ образомъ, называется »кореннымъ» закономъ. Наконецъ учрежденная Императоромъ Александромъ I кодификаціонная коммиссія въ проектѣ, составленномъ въ 1804 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до Высочайшаго утвержденія конституціи Финляндіи, называетъ коренными законами какъ разъ тѣ законы, которые опредѣляютъ образъ правленія и вообще касаются государственныхъ вопросовъ первостепенной важности. Если засимъ обратить вниманіе на то, что тотъ же законъ Императора Павла о престолонаслѣдіи позднѣе называется основнымъ закономъ, то этого достаточно, чтобы убѣдиться, что тѣ же самые законы, которые въ позднѣшее время стали называть основными, прежде назывались коренными. *)

Параллельно сему, и въ позднѣйшихъ Высочайшихъ удостовѣреніяхъ, въ законодательствѣ и въ иныхъ оффиціальныхъ актахъ касательно Финляндіи выраженіе »коренные законы» послѣдовательно замѣнено терминомъ »основные законы».

Слѣдовательно, согласно терминологіи, принятой въ началѣ 19 столѣтія, »loix fondamentales», или шведское »grundlagar» должно — было, по необходимости, перевести на русскій языкъ терминомъ »коренные законы». О другомъ выраженіи тогда не могло быть и рѣчи.

А такъ какъ законы 1772 и 1789 гг. принадлежали къ числу »grundlagar», то ни малѣйшаго сомнѣнія въ отношеніи этихъ двухъ законовъ и выраженія »коренные законы» въ

---

*) См. Р. Германсонъ: »Гос.-прав. пол. Финл.» вып. I-й, стр. 85—87.

актѣ удостовѣренія 17/29 марта 1809 г. не существуетъ и существовать не можетъ.

Далѣе г. »М.» совершенно ошибочно полагаетъ, что »Уголовное уложеніе Швеціи 1734 г., несомнѣнно, является »кореннымъ закономъ». Въ королевскомъ утвержденіи этого закона, однако, точно говорится, что этотъ законъ есть »общій законъ», а не »fundamentallag» (основной законъ). Поэтому и выходитъ довольно комично, когда »Михайловъ» жалуется, что »на такое заключеніе (т. е. на причисленіе названнаго уложенія къ категоріи основныхъ законовъ) финляндцы не согласны».

Въ томъ же родѣ и слѣдующія размышленія автора. Если Императоръ Александръ I имѣлъ намѣреніе утвердить законы 1772 и 1789 гг. для Финляндіи — говоритъ г. Б. — то онъ назвалъ бы эти законы въ своемъ актѣ удостовѣренія, »такъ какъ ихъ всего было два».

Но дѣло-то въ томъ, что основныхъ законовъ было не два, а — какъ мы раньше видѣли — нѣсколько! . . . Упоминать всѣ эти законы не встрѣчалось никакой надобности. Гораздо »проще, легче и естественнѣе» было обнять ихъ всѣхъ подъ однимъ общимъ названіемъ »коренные законы» (loix fondamentales), какъ Александръ I это и сдѣлалъ. Этимъ исчерпаны по существу всѣ наглыя инсинуаціи автора, обусловленныя злостною лживостью и поразительнымъ его незнаніемъ по данному вопросу.

* * *

Государственнымъ актомъ, который »съ полной юридической точностью» установляетъ для Финляндіи основные законы, равно какъ и прочія дѣйствовавшіе въ ней законы является, какъ общеизвѣстно, торжественный актъ удостовѣренія Императора Александра I-го 5/17 марта 1809 г. Вотъ подлинныя слова этого акта:

»Божіею Милостію, Мы Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по Конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.»

И этотъ актъ былъ данъ при самыхъ торжественныхъ обстоятельствахъ, какія только знаетъ исторія.*) Мы тутъ остановимся на нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ моментахъ помянутаго акта. Манифестъ удостовѣренія былъ уже 27 марта собственноручно подписанъ Императоромъ, т. е. за два дня до торжественнаго прочтенія его въ

*) О боргоскихъ актахъ см. гл. III, IV и V въ сочиненіи К. В. Нюхольма: »Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ», стр. 22—63 и др.

»Святилищѣ Всевышняго» въ присутствіи представителей финскаго народа. Сидя на тронѣ, украшенномъ финляндскимъ гербомъ, и »слѣдуя старинному и чтимому обычаю» шведскихъ королей. Государь только послѣ прочтенія удостовѣренія*) принялъ привѣтствіе и присягу вѣрности, »добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями», взирая на оную »какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи»; при этомъ Земскіе Чины клялись ему какъ Великому Князю Финляндіи, обязываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, »неизмѣнно сохранять основные законы и конституцію края въ томъ видѣ, какъ они въ настоящее время приняты и дѣйствуютъ.**) Вслѣдъ за симъ Императоръ обратился къ сеймовымъ представителямъ съ краткою рѣчью, въ которой онъ вновь указалъ на свое обѣщаніе сохранить религію и основные законы (loix fondamentales) страны.

Будучи во время этой рѣчи — по свидѣтельству современниковъ — »видимо растроганъ», онъ обратился къ алтарю, »моля Всемогущаго Бога даровать ему силу и мудрость на управленіе достойнаго уваженія финскаго народа согласно

---

*) См. статью Г. Шаумана: »Alexander I och Finlands konstitution» въ »Finsk Tidskrift» 1899 г., перв. полугодіе, стр. 331—338. (Здѣсь между прочимъ указываются нѣкоторыя мѣста фальсификацій въ книгѣ Ордина относительно порядка, соблюдаемаго при клятвенномъ актѣ въ г. Борго, а именно: т. II, стр. 323^2, 324^3, 355^4 и 323, выноска 3). По настоящему вопросу см. также: М. Г. Шюбергсонъ: »Finlands Historia», часть вторая, стр. 380, вын. къ ней, и др.

**) Какъ въ привѣтственныхъ рѣчахъ тальмановъ, такъ и въ утвержденномъ Императоромъ текстѣ тальманской присяги указывалось также на состоявшееся утвержденіе законовъ и конституціи Финляндіи. Такъ тальманъ крестьянскаго сословія выразилъ благодарность сословія за »торжественнѣйше данное — согласно основнымъ законамъ края — и скрѣпленное Вѣсочайшей подписью удостовѣреніе» о »сохраненіи конституціи Финляндіи», (См. протоколы борг. сейма).

законамъ его и вѣчному правосудію Всевышняго» (d'après ses lois et sa justice divine). Въ заключеніе торжества одинъ изъ герольдовъ дворянства, выступивъ передъ тронномъ, провозгласилъ при пушечныхъ выстрѣлахъ: »Да здравствуетъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій!»

Актъ принесенія присяги въ боргоскомъ соборѣ завершился пѣніемъ псалма »Тебе Бога хвалимъ» (The Deum) подъ звуки трубъ и литавръ.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что слова »слѣдуя старинному и чтимому обычаю этого края», встрѣчаемыя въ объявленіи 23 марта (4 апрѣля), изданномъ по поводу удостовѣренія Александра I и провозглашенія его Великимъ Княземъ Финляндіи, имѣютъ въ виду постановленіе 4 главы королевскаго отдѣла Земскаго Уложенія относительно обязанности короля въ самый день его избранія »давать клятву и присягать всѣмъ жителямъ страны» (»svärja och gå sina trohetseder åt alla inrikes boende»).

Удостовѣреніе Александра I, а также объявленіе 23 марта (4 апрѣля) 1809 г. читались засимъ, по особому Высочайшему повелѣнію, съ церковной каѳедры во всѣхъ приходахъ Финляндіи. Съ тѣхъ поръ эти акты выставлены во всѣхъ церквахъ Финляндіи, а рядомъ съ ними помѣщались послѣдовательно и тѣ удостовѣренія, которыми всѣ преемники Александра I, за собственноручною подписью, подтвердили ненарушимое сохраненіе конституціи и законовъ края.

При такихъ формахъ была дана »Magna carta» Великаго Княжества Финляндскаго, при такой высокоторжественной обстановкѣ состоялись взаимныя клятвенныя обѣщанія Монарха и Земскихъ Чиновъ, каковые акты составляютъ непреложную и незыблемую основу для государственно-правового положенія Финляндіи.

* * *

Послѣ затронутыхъ нами событій, мы вернемся снова, съ чувствомъ крайняго омерзѣнія, къ опроверженію тѣхъ грубыхъ софизмовъ, при помощи которыхъ г. Б. старается ввести въ заблужденіе своихъ читателей относительно клятвенныхъ обѣщаній Государя и плебесита финскаго народа. Съ изумительнымъ безстыдствомъ онъ прибѣгаетъ къ фразѣ: »главной основой конституціи у финляндцевъ являются догадки, предположенія, сопоставленія и т. п.» Какія же тутъ догадки и предположенія, когда имѣются на лицо самые положительные и торжественные документы! Сверхъ вышеизложеннаго акта удостовѣренія 15/27 марта 1809 г., — имѣющаго, какъ мы видѣли, рѣшающее значеніе въ смыслѣ безпрерывнаго дѣйствія шведской конституціи и основныхъ законовъ въ Финляндіи, — приведемъ и слѣдующія подлинныя и весьма недвусмысленныя изреченія Александра I:

»... Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы: ваше собраніе здѣсь удостовѣряетъ исполненіе моихъ обѣщаній. Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи ....» (Тронная рѣчь 16/28 марта 1809 г.).*)

»... Обѣщая сохранить .... ихъ основные законы ...» (Рѣчь 17/29 марта 1809 г.).*)

»... Мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи (т. е. Земскихъ Чиновъ), въ святилищѣ Всевышняго подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, основныхъ законовъ ...» (Высочайшее объявленіе 23 марта/4 апрѣля 1809 г.).*)

»Внушите имъ то же довѣріе, ту же увѣренность относительно главнѣйшихъ предметовъ вашего политическаго существованія ... Занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ, подъ властію своихъ законовъ, ... этотъ народъ ... свободный внутри ...» (Тронная рѣчь 6/18 іюля 1809 г.).*)

---

*) На французскомъ языкѣ.

»... Мы рѣшили управлять этою страною, какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его конституціей..... Всѣ акты, изданные по сіе время.... суть доказательства, которыя должны обезпечить за финской націей права политическаго ея существованія». (Манифестъ 15/27 марта 1810 г.)*)

»... Моя цѣль достигнута съ того момента, когда сознаютъ мотивъ моихъ дѣйствій: консолидацію политическаго существованія финской націи...» (Высочайшій рескриптъ 26 апрѣля 1810 г. на имя генералъ-маіора барона Аминова).*)

»... Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое; .... для сего: 1) Сохранены ему не только гражданскіе, но политическое его законы...» (Рескриптъ на имя генералъ-губернатора отъ 14/26 сентября 1810 г.)

А въ манифестѣ 9/21 февраля 1816 г. относительно переименованія Финляндскаго Правительствующаго Совѣта въ Сенатъ — когда, стало быть, послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей прошло уже семь лѣтъ — говорится дословно: »..... Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, — не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ. Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили Конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами но, и т. д..... Таковыми мѣрами .... надѣемся

*) На французскомъ языкѣ.

Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ . . .»

IV.

Намъ нечего и говорить, что финляндцы періода соединенія Великаго Княжества съ Имперіей — вопреки лживымъ завѣреніямъ г:на Б. — смотрѣли на утвержденные Императоромъ законы 1772 и 1789 гг. какъ на главную основу государственнаго устройства Финляндіи при новомъ положеніи ея; это явствуетъ прямо уже изъ самаго текста грамоты удостовѣренія 5/17 марта 1809 г., изъ присяги Земскихъ Чиновъ, а также изъ самой »логики вещій», — изъ всѣхъ событій означеннаго періода времени. Вотъ примѣры явныхъ ссылокъ на умянутые выше основные законы.

Уже въ меморіалѣ предводителя финской депутаціи, барона Маннерхейма, о составѣ сейма и взаимныхъ правахъ Монарха и Земскихъ Чиновъ, поданномъ Императору въ декабрѣ 1808 г., говорится: »Безъ согласія земскихъ чиновъ Государь ничего не можетъ измѣнять въ основныхъ законахъ, въ законахъ уголовныхъ и гражданскихъ 1734 года и въ привилегіяхъ сословій, а также не можетъ установлять новыхъ налоговъ». — Въ болѣе подробной и составленной также для свѣдѣнія монарха запискѣ Ре-

биндера сказано м. пр.: »Прежде сословія собирались черезъ каждые три года и даже чаще и пользовались гораздо болѣе обширными правами, нежели теперь; но послѣ государственнаго переворота 1772 г. и акта безопасности 1789 г. за ними оставлены лишь вышеуказанныя ограниченныя права.« *) — Въ своемъ меморіалѣ, утвержденномъ Государемъ, относительно стоявшаго на очереди вопроса о присоединеніи Выборгской губерніи къ остальной Финляндіи, Армфельтъ въ главѣ о »конституціи« излагаетъ по пунктамъ, въ чемъ заключается конституція Финляндіи, ссылаясь при этомъ на Форму Правленія 1772 г. и на Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно этотъ меморіалъ, въ засѣданіи 6 ноября 1811 г., и былъ разсмотрѣнъ и одобренъ въ присутствіи Государя Императора въ русскомъ Государственномъ Совѣтѣ. — Въ поданномъ 17 сентября 1821 г. монарху »Très-humble Exposé« баронъ І. Ф. Аминовъ говоритъ: »Конституція Финляндіи изложена въ Формѣ Правленія 1772 г. и Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г. — La Constitution de la Finlande se trouve consignée dans la Forme de Gouvernement de 1772 et l'Acte de Sûreté de 1789.«

Сенатъ въ своихъ заключеніяхъ въ царствованіе Александра I, разумѣется, также неоднократно ссылался на означенные основные законы. Вотъ тому нѣсколько рельефныхъ примѣровъ. Въ апрѣлѣ 1811 г. въ Правительствующій Финлянд-

---

*) Въ этой запискѣ Ребиндера также развивается болѣе обстоятельно, на чемъ покоятся главнымъ образомъ основные законы Финляндіи, а именно на слѣдующихъ трехъ принципахъ: 1) страна управляется королемъ, который подчиненъ законамъ; 2) всѣ граждане безъ изъятія свободны и пользуются тѣлесною и имущественною охраною и 3) народъ, въ лицѣ своихъ представителей, пользуется правомъ опредѣлять свою конституцію и свои законы и установлять налоги ....« Подобнаго рода записка была также составлена чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Букомъ.

свій Совѣтъ поступили Высочайше утвержденныя въ февралѣ мѣсяцѣ инструкціи генералъ-губернатору и прокурору. Совѣтъ однако, нашелъ что промульгаціей этой инструкціи Всемилостивѣйше утвержденная Его Императорскимъ Величествомъ для Финляндіи конституція (по-шведски — »regeringsform») была бы нарушена. Государь, вслѣдствіе представленія Совѣта, повелѣлъ разсмотрѣніе вопроса коммиссіей, вмѣстѣ съ прокуроромъ, съ точки зрѣнія основныхъ законовъ, причемъ, впредь до окончанія работъ коммиссіи, приведеніе въ дѣйствіе утвержденныхъ уже инструкцій пріостанавливалось. Коммиссія, найдя что въ этихъ инструкціяхъ содержались опредѣленія, противорѣчащія также и основнымъ законамъ края, ссылается, въ подтвержденіе своего заключенія, м. пр. на нѣкоторые параграфы Формы Пр., и Акта С. и Б. Такъ, напр., коммиссія замѣчаетъ относительно § 14 инструкціи генералъ-губернатору, что она не только несогласна съ Учрежденіемъ Совѣта, »но и противорѣчитъ § 8 Формы Правленія отъ 21 августа 1772 г. и § Акта Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г., каковые законы, какъ относящіеся къ числу коренныхъ законовъ края, его Императорское Величество, всемилостивѣшимъ удостовѣреніемъ всѣмъ жителямъ Финляндіи отъ 15/27 марта 1809 г., сонзволилъ торжественно утвердить и удостовѣрить». Подобнымъ образомъ и замѣчаніе коммиссіи по §§ 6, 7 и 8 инструкціи прокурору начинается слѣдующими словами: »Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Удостовѣреніемъ всѣмъ жителямъ Финляндіи, отъ 15/27 марта 1809 г., принятые и дѣйствовавшіе во время соединенія Финляндіи со Швеціею коренные законы вновь утверждены и удостовѣрены. — Къ числу ихъ относится также Форма Правленія отъ 21 августа 1772 г.»*) Послѣдствіемъ заключенія

*) По поводу замѣчаній и проектовъ коммиссіи петербургскій ко-

коммиссіи было, что Высочайше утвержденныя инструкціи окончательно были отмѣнены и новыя изданы съ уваженіемъ измѣненій, предлагаемыхъ коммиссіей.*) — Въ раньше упоминаемомъ всеподданнѣйшемъ адресѣ Сената, по поводу неконституціонныхъ дѣйствій генерала Закревскаго, значится: »... Сенатъ не можетъ обойти молчаніемъ, что пять пунктовъ генералъ-губернатора по существу .... содержатъ опредѣленія, кои привели бы къ частичному измѣненію основныхъ законовъ и прочихъ гражданскихъ постановленій Финляндіи, которыя, утвержденныя В. И. В:мъ, до сихъ поръ соблюдались столь точно и сохраненіе которыхъ полностью, Sire! составляетъ настоящее счастье Вашихъ вѣрныхъ финляндскихъ подданныхъ ...«

Въ Высочайшей инструкціи учрежденной въ С.-Петербургѣ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, отъ 25 октября/6 ноября 1811 г., значится также: »Коммиссія Финляндская учреждается къ разсмотрѣнію и пріуготовленію дѣлъ, кои, по кореннымъ законамъ сей страны ... принадлежатъ къ непосредственному рѣшенію Верховной власти». — Такого рода дѣла предусматриваются, отнюдь не въ уложеніи отъ 1734 г., а какъ разъ въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 гг. — Точно также и въ Высочайшемъ обявленіи отъ 1 февраля 1809 г. говорится о созывѣ общаго сейма въ г. Борго »сообразно съ установленіями края», въ виду чего »уполномоченные всѣхъ сословій имѣютъ отправиться туда въ порядкѣ, установленномъ сеймовыми уставами».**)

митетъ по финляндскимъ дѣламъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ заявляетъ, что онъ »нашелъ замѣчанія вообще весьма основательными, такъ какъ они, равно какъ и новыя инструкціи, проектируемыя коммиссіей, согласны съ конституціей и съ дѣйствующими (actuelle) законами страны» (перев. съ франц. текста).

*) Р. Даніельсонъ: »Внутренняя самостоятельность Финляндіи», стр. 65—70.

**) »Установленія», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, бы-

Что же касается Земскихъ Чиновъ, то уже въ протоколахъ 1809 г. неоднократно повторяются ссылки на Форму Правленія и Актъ Соединенія и Безопасности. Такъ до приступленія къ обсужденію Высочайшихъ предложеній, въ крестьянскомъ сословіи 1 апрѣля »были прочтены Форма Правленія отъ 21 августа 1772 г., Актъ Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 4 апрѣля 1789 г., королевское удостовѣреніе правъ и привилегій крестьянства отъ 4 апрѣля того же года, Сеймовый Уставъ отъ 24 января 1617 г. и прочія постановленія, которыя должны служить руководствомъ при преніяхъ». — Но съ протоколами боргоскаго сейма г. Б., судя по всему, почти вовсе не знакомъ.

* * *

Относительно же полномочія, даннаго сеймовымъ депутатамъ г. Або въ 1809 г., авторъ умалчиваетъ, что на нихъ возложено было »тщательно охранять, дабы все, что способствуетъ . . . къ сохраненію общихъ и дѣйствующихъ законовъ страны, равно и свободы Земскихъ Чиновъ, а также и благопріобрѣтенныхъ привилегій и правъ каждаго сословія, было, по крайнему разумѣнію, честно подтверждено и поддержано».

Совершенно сбивчива и ложна характеристика, вставленная тутъ же о генералъ-губернаторѣ, »шведѣ» Спренгтпортенѣ. Авторъ говоритъ, что онъ »являлся однимъ изъ главныхъ борцовъ за независимость Финляндіи и распоряжался всѣми дѣлами сейма». А между тѣмъ эта крайне двусмысленная личность, по весьма вѣскимъ причинамъ, во-

---

ли: Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. »Сеймовые уставы» означаютъ: Сеймовый Уставъ 1617 г., Уставъ Рыцарскаго Дома 1626 г. и законоположенія объ избирательномъ правѣ недворянскихъ сословій.

все не пользовались довѣріемъ своихъ соотечественниковъ и была предметомъ негодованія ихъ.

Онъ въ данномъ случаѣ также старался повліять на выборъ сеймовыхъ депутатовъ г. Або, равно какъ и на составленіе упомянутаго выше полномочія для оныхъ, что вызвало громкую резерваціо со стороны городскихъ гласныхъ и прочихъ лицъ. Подобнымъ образомъ онъ и впослѣдствіи пытался оказать давленіе на рѣшеніе сейма. Финляндскимъ читателямъ вообще извѣстно: что Государь уже вскорѣ послѣ назначенія Спренгтпортена на должность генералъ-губернатора имѣлъ поводы сожалѣть объ этомъ назначеніи; что С. уже во время сейма 1809 г. былъ устраненъ отъ этой должности; и что онъ получилъ опредѣленное предписаніе, подъ угрозой Высочайшей немилости, впредь никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ занятія сейма, которыя должны быть свободны и ограждены отъ всякаго принужденія.

Далѣе генералъ Б. утверждаетъ, будто »по шведскимъ порядкамъ» представители финскаго народа на сеймѣ въ г. Борго должны были въ присягѣ упомянуть Форму Правленія 1772 г., а между тѣмъ »ссылка на эту хартію была исключена». Все это совершенно невѣрно! Исключеніе ссылки на названный основный законъ представляется чистымъ вымысломъ г. Ордина! Наконецъ здѣсь вовсе ни можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо о б ы ч а ѣ упомянуть о с о б о Форму Правленія 1772 г. Вообще въ шведскомъ законодательствѣ не существовало какой-либо опредѣленной или обязательной формы на этотъ предметъ. Относительно принесенія, присяги подданства было постановлено у ж е въ гл. 5 королевскаго отдѣла Земскаго Уложенія 1442 г., сохранившей — какъ извѣстно — силу основного закона. Авторъ умалчиваетъ, что присяга, принесенная Земскими Чинами въ 1809 г., была составлена на основаніи означенныхъ постановленій, и, слѣдовательно, по существу соотвѣтствовала той присягѣ, которую Государственные Чины приносили при восшествіи шведскихъ королей на престолъ. Присяга, наконецъ заключала

въ себѣ, какъ мы видѣли, обѣщаніе о неизмѣнномъ сохраненіи »основныхъ законовъ и конституціи края въ томъ видѣ, какъ они въ настоящее время приняты и дѣйствуютъ». А что эти слова обозначаютъ — должно быть ясно даже для г. Бородкина!

V.

Въ пылу усилій доказать свои абсурдныя теоріи г. Бородкинъ давно уже не знаетъ предѣловъ для своей наглости. Такъ на стр. 24 онъ дерзко выступаетъ съ фразами, будто Александръ I »на дѣлѣ вовсе не слѣдовалъ главнѣйшимъ постановленіямъ» Формы Правленія и Акта Соединенія и Безопасности и »въ теченіе всего своего царствованія не считался съ ними». Изъ предыдущаго нашего изложенія можно уже à priori заключить о всей возмутительной несообразности такихъ фразъ. Странно было бы на самомъ дѣлѣ, если бы Императоръ Александръ I, клявшійся свято сохранить конституцію и основные законы Финляндіи какъ за себя, такъ и за всѣхъ преемниковъ престола, впослѣдствіи вовсе не считался съ ними. На такого рода возмутительныя инсинуаціи противъ благородной личности блаженной памяти Александръ I можно лишь отвѣтить глубочайшимъ презрѣніемъ . . .

Но обратимся къ т. н. »доказательствамъ» г. Бородкина. Прежде всего онъ указываетъ на то, что шведскіе короли при восшествіи ихъ на престолъ, согласно § 8 Акта Соединенія и Безопасности, обязаны были собственноручно подписать сей актъ и что Александръ I, будто, этого не сдѣлалъ.

Но вѣдь онъ, еще наканунѣ открытія боргоскаго сейма, собственноручно подписалъ свой торжественный актъ удостовѣренія 15/27 марта 1809 г. о сохраненіи *всѣхъ* основныхъ законовъ Финляндіи »въ непарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи», снабдивъ это удостовѣреніе императорскою своею печатью. Въ упомянутомъ параграфѣ Акта Соединенія и Безопасности сказано также: »въ случаѣ прекращенія королевскаго дома, новоизбранный король вступаетъ во всѣ эти права, *обязываясь* соблюдать ихъ безъ малѣйшихъ измѣненій». Далѣе совершенно нелогичны и несостоятельны толкованія г:на Б. о томъ, что »конституціонной присягой шведскихъ королей», послѣдніе спеціально обязывались управлять »по Формѣ правленія 1772 г.», отвергая »ненавистное самодержавіе». — Г. Б. этой сбивчивой фразою, очевидно, имѣетъ въ виду предложенный Густавомъ III и принятый Государственными Чинами на сеймѣ 1778—79 г. проектъ королевской присяги (удостовѣренія — försäkran), предназначенный для употребленія при вступленіи новаго короля въ управленіе. Но *эта форма* королевскаго удостовѣренія никогда не входила въ употребленіе въ виду того, что Актъ Соед. и Безоп. 1789 г. сдѣлалъ необходимыми нѣкоторыя видоизмѣненія въ немъ.*) Самая обязанность монарха давать королевское удостовѣреніе (konungaförsäkran), подчеркнутая рѣшеніемъ риксдага 1779 г., получила новое — какъ мы видѣли — выраженіе и въ § 8 Акта С. и Б. Но кромѣ того, о королевской присягѣ было установлено уже въ 4:й главѣ корол. отдѣла Земскаго Уложенія, опредѣленія коей, на основаніи § 2 Формы Пр. 1772 г., сохранили силу основного закона. На основаніи вышеизложеннаго и былъ составленъ актъ удостовѣренія Александра I. Наконецъ нельзя не упомянуть о томъ, что торжественное удостовѣреніе Александра I имѣетъ иное значеніе, — въ смыслѣ без-

*) Согласно этому, при коронованіи Густава IV Адольфа въ Норрчепингѣ въ 1800 г. слѣдовали уже видоизмѣненному тексту присяги.

прерывнаго дѣйствія конституціи Финляндіи, — нежели прежнія удостовѣренія, данныя шведскими королями, а позже и русскими монархами, при восшествіи ихъ на престолъ. Удостовѣреніе Александра I, вмѣстѣ съ присягой Земскихъ Чиновъ на вѣрность монарху и основнымъ законамъ, являются *сами по себѣ безусловно рѣшающими* для положенія Великаго Княжества въ соединеніи ея съ Россіей, для дальнѣйшаго и неизмѣннаго дѣйствія шведской конституціи при новыхъ обстоятельствахъ. Обычныя же королевскія удостовѣренія, равно какъ и позднѣйшія удостовѣренія всѣхъ русскихъ монарховъ подтверждаютъ лишь формальнымъ образомъ сохраненіе законовъ, коими каждый монархъ во всякомъ случаѣ связанъ, т. е. *независимо* и *отъ этихъ обѣщаній*.

Въ слѣдующемъ своемъ примѣрѣ авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что генералъ-губернаторская должность въ Финляндіи, собственно говоря, не есть одно и то же что должности, упоминаемыя въ § 33 Формы Правленія. Этотъ параграфъ (а также и § 34), выражая мысль о недѣлимости государственной территоріи, воспрещаетъ отдачу въ ленное владѣніе *губерній*, а также назначенія генералъ-губернатора надъ какой-либо *частью страны* — причемъ, однако, исключеніе допускается »при чрезвычайнымъ обстоятельствахъ и на опредѣленное время ; настоящая же генералъ-губернаторская должность въ Великомъ Княжествѣ учреждена для страны *во всей ея совокупности*. Параграфами 2, а также 26—30 регламента для Правительствующаго Совѣта, этой должности было, съ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ, отведено органическое мѣсто въ государственномъ устройствѣ Финляндіи.

Насколько примѣры автора несостоятельны, явствуетъ также изъ нижеслѣдующей его фразы. Согласно Формѣ Правленія — говоритъ онъ — Финляндіи »надлежало учредить въ краѣ разныя коллегіи, государственный совѣтъ, верховный судъ, тайный комитетъ, маршаловъ и т. д. Во всемъ этомъ Финляндіи было отказано . . .» Такъ ли оно въ

дѣйствительности? Компетенція коллегій была, какъ извѣстно, съ согласія Земскихъ Чиновъ 1809 г., передана Финляндскому Правительствующему Совѣту, а верховный судъ замѣненъ департаментомъ юстиціи онаго. Государственный же совѣтъ Швеціи былъ отмѣненъ уже Густавомъ III — въ самый день подписанія имъ Акта Соединенія и Безопасности — на основаніи § 2 этого акта, такъ что въ періодъ соединенія Финляндіи съ Россіей помянутое учрежденіе болѣе не существовало въ Швеціи. § 47 о тайныхъ комитетахъ, учреждаемыхъ при риксдагахъ, наконецъ, примѣнялся лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Его Королевское Величество желалъ съ Государственными Чинами »обсуждать о дѣлахъ, долженствующихъ, по мнѣнію его, остаться секретными». Стало быть, этотъ вопросъ былъ всецѣло предоставленъ дискреціонной власти монарха.

* * *

На стр. 25 авторъ присовокупляетъ, что, если Александръ I хотѣлъ дать Финляндіи, »какъ говорятъ финляндцы», политическое существованіе, то въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ, конечно, оставить новому государству его собственный оффиціяльный языкъ, но что онъ, будто, »не находилъ введеніе иноземнаго (русскаго) языка въ дѣлопроизводство Финляндіи въ чемъ-либо противорѣчащимъ новому положенію, которое было дано этому краю».

Противъ такого рода извращенія историческихъ фактовъ слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что не только финляндцы, но прежде всего и самъ Императоръ Александръ I неоднократно высказывалъ, что за финскимъ народомъ обезпечено постоянное его національное и политическое существованіе. Во-вторыхъ, Императоръ на самомъ дѣлѣ оставилъ Финляндіи ея собственный оффиціальнй языкъ, какъ необходимое и естественное послѣдствіе той внутренней автономіи, которую онъ удостовѣрилъ Великому Княжеству.

Въ поискахъ за т. н. »доказательствами», могущими въ глазахъ несвѣдущаго подкрѣпить его завѣдомую ложь, »Михайловъ» ссылается на »проектъ положенія объ учрежденіи Главнаго Правленія въ Новой Финляндіи» отъ 19 ноября 1808 г., пропуская при этомъ неудобное для него слово »проектъ» въ наименованіи этого документа (стр. 26, вып. 1). Названный проектъ былъ, какъ видно, составленъ еще до боргоскаго сейма. Въ дѣйствительности онъ служилъ лишь временно инструкціей для генерала Спренгтпортена, въ качествѣ генералъ-губернатора тогда еще только занятой русскими войсками Финляндіи, но никогда не былъ объявленъ къ руководству какъ общее постановленіе. Напротивъ того, изъ различныхъ историческихъ фактовъ явствуетъ, что высказанное здѣсь предположеніе относительно введенія въ будущемъ въ дѣлопроизводство русскаго языка было оставлено Императоромъ послѣ того, какъ въ 1809 г. на сеймѣ въ г. Борго было окончательно установлено отношеніе Финляндіи къ Имперіи. На этомъ же сеймѣ было передано Земскимъ Чинамъ Высочайшее предложеніе, содержащее »планъ общаго правленія Финляндіи», въ каковомъ планѣ, равно какъ и въ изданномъ за симъ »Учрежденіи Правительствующаго Совѣта» не содержится никакого опредѣленія подобнаго рода. Языкъ дѣлопроизводства въ публичныхъ учрежденіяхъ края оставленъ тотъ же, что и раньше, и никакого общаго постановленія по сему предмету не послѣдовало до Высочайшаго постановленія отъ 1 августа 1863 года, о равноправности финскаго языка со шведскимъ. Въ видѣ болѣе или менѣе естественнаго исключенія, въ § 24 инструкціи для учрежденной въ С.-Петербургѣ, непосредственно вблизи престола, »коммиссіи финляндскихъ дѣлъ» отъ 25 октября (6 ноября) 1811 г. сказано, что исходящія бумаги коммиссіи по Высочайшимъ рѣшеніямъ, которыя принадлежатъ къ сферѣ дѣйствія Финляндскаго Совѣта, составляются на русскомъ языкѣ, тогда какъ, по § 22, самое производство дѣлъ въ

коммиссіи, равно какъ веденіе журналовъ и протоколовъ должны происходить на шведскомъ языкѣ.

Что касается постановленій 1812 и 1813 гг. то тутъ у г. Б. опять невѣрная цитата. Въ фразѣ: »публично доказать надлежащія свои познанія въ россійскомъ языкѣ» передано у него такъ: »публично доказать познанія свои въ россійскомъ языкѣ»; въ постановленіи отъ 1813 г. говорится также лишь о »требуемой способности» въ русскомъ языкѣ. Впрочемъ, эти требованія были отмѣнены постановленіями отъ 1863 г.

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ виду первостепенной принципіальной важности затронутаго вопроса, мы не можемъ не освѣтить здѣсь нѣсколько подробнѣе всю возмутительную незаконность манифеста 7/20 іюня 1900 г. относительно введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и переписку нѣкоторыхъ главныхъ административныхъ учрежденій Великаго Княжества. Этотъ манифестъ заключаетъ въ себѣ — какъ сразу видно — полный разрывъ со всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ вопроса объ оффиціальномъ языкѣ въ Финляндіи; онъ рѣшительно не согласуется съ духомъ строя Великаго Княжества и съ положеніемъ, предоставленнымъ ему при соединеніи въ 1809 году. На основаніи своего правового положенія Финляндія составляетъ самостоятельную, въ своихъ предѣлахъ, законодательную и административную область. За финскимъ народомъ обезпечено закономѣрное право жить особой націей въ чредѣ прочихъ націй, »свободнымъ внутри» (»libre dans l'intérieur»). На основаніи государственнаго положенія, удостовѣреннаго Финляндіи въ 1809 г., финскій народъ имѣетъ неотъемлемое право быть управляемымъ на тѣхъ языкахъ, — шведскомъ либо финскомъ, которые онъ любитъ какъ свои родные національные языки и которые составляютъ высшее проявленіе его внутренней жизни, какъ народной единицы.

Но манифестъ находится также въ рѣшительномъ противорѣчіи съ нѣкоторыми постановленіями общаго уложенія Финляндіи. Вопросъ о введеніи русскаго языка въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Финляндіи — въ особенности въ виду нарушенія права частныхъ лицъ при изданіи постановленій и рѣшеній — не принадлежитъ къ такого рода дѣламъ, которымъ монархъ, на основаніи Сеймового Устава, можетъ рѣшать единолично, т. е. безъ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ. Вопросъ объ оффиціальномъ языкѣ предусмотрѣнъ во всѣхъ трехъ общихъ уложеніяхъ (королей Магнуса Эрикссона и Кристоффера и въ законѣ 1734 г.), изданныхъ уже до событій 1809 г. при содѣйствіи представителей шведскаго и финскаго народовъ. Въ нынѣ дѣйствующемъ въ Финляндіи процессуальномъ законѣ, т. е. въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ общаго уложенія (§ 3 главы 24), содержится именно постановленіе въ смыслѣ запрещенія составлять судебныя рѣшенія на иномъ языкѣ, кромѣ обоихъ національныхъ — шведскаго и финскаго. «Для Судебнаго Департамента Сената языкъ, на которомъ должны производиться дѣла, этимъ правиломъ точно опредѣленъ, такъ какъ означенный департаментъ составляетъ высшую судебную инстанцію края и тяжущіеся пользуются туземными языками края. Что касается Хозяйственнаго Департамента, то условія одинаковы, поскольку этотъ Департаментъ вѣдаетъ административнымъ судопроизводствомъ въ высшей инстанціи. Но и главная задача сего Департамента, завѣдываніе гражданскимъ управленіемъ края, необходимо требуетъ, чтобы во всѣхъ сношеніяхъ съ подчиненными властями и во всѣхъ сообщаемыхъ населенію распоряженіяхъ употреблялись туземные языки».*) Но упомянутое выше правило примѣнимо вообще ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Финляндіи.

Манифестъ 1900 г. и по своему происхожденію явля-

---

*) Всеподд. заключеніе Имп. Финляндскаго Сената отъ 20 февр. 1899 г.

ется совершенно противузаконнымъ въ виду того, что онъ не выработанъ подлежащими властями, т. е. Финляндскимъ Сенатомъ, а русскою тайною конференціей въ Петербургѣ. Также и по чисто практическимъ причинамъ манифестъ не выполнимъ въ Финляндіи, ведя къ полному »сумбуру» и анархіи въ области административнаго управленія. Уже въ ранѣе цитированномъ нами заключеніи Сенатъ между прочимъ говоритъ: »Несмотря на всѣ мѣры, принятыя въ Финляндіи для распространенія познаній по русскому языку, и несмотря на то, что выдавалось множество стипендій и устроены особые учебные курсы, въ настоящее время лишь небольшое число служащихъ въ краѣ, въ особенности изъ числа обладающихъ юридическимъ образованіемъ, удовлетворительно знаютъ русскій языкъ, и еще меньшее число служащихъ настолько знакомы съ этимъ языкомъ, чтобы они были въ состояніи до нѣкоторой степени свободно пользоваться имъ въ разговорной рѣчи и въ письмѣ. Причина такого положенія дѣла заключается въ обстоятельствахъ и условіяхъ, которыя не поддаются урегулированію правительственными распоряженіями. Для образованнаго класса основательное знаніе обоихъ туземныхъ языковъ является первою необходимостью, и русскій языкъ преподается вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ учебномъ планѣ которыхъ этому языку отведено значительное число уроковъ въ видѣ обязательнаго предмета. Но кромѣ того, названному классу, какъ и образованному сословію въ другихъ странахъ, представляется необходимость хоть нѣсколько ознакомиться съ однимъ или двумя западноевропейскими культурными языками и при такихъ условіяхъ понятно, что вообще лишь туземные языки вполнѣ усваиваются».

Сверхъ сего, въ основныхъ законахъ постановлено, что »способность, заслуги, опытность и испытанная гражданская доблесть составляютъ единственное правомѣрное основаніе для назначенія на всѣ должности въ краѣ, какъ

высшія, такъ и низшія, независимо отъ происхожденія или особаго состоянія . . .» Введеніе совершенно новаго, въ законахъ не предусмотрѣннаго, условія, въ видѣ обязательнаго знанія русскаго языка, несовмѣстимо ни съ содержаніемъ, ни съ духомъ означеннаго основного законоположенія, ставя вопросъ объ назначеніи на должность въ полную зависимость отъ совершенно постороннихъ причинъ.

При указанныхъ обстоятельствахъ манифестъ подвергаетъ весь служащій классъ въ Финляндіи страшнымъ, ничѣмъ незаслуженнымъ бѣдствіямъ и гоненіямъ. Находясь въ вопіющемъ противорѣчіи съ чувствомъ долга и послушаніемъ передъ закономъ, онъ послѣдовательно гонитъ всѣхъ честныхъ служащихъ къ нищетѣ, открывая широко двери для различныхъ недостойныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, онъ заключаетъ въ себѣ зародышъ полной нравственной испорченности и разложенія честнаго и лояльнаго должностного класса въ Финляндіи.

Совершенно нелѣпой является всякая ссылка на сильно дискредитированную фразу о т. н. »общегосударственныхъ интересахъ» для проведенія неправеднаго дѣла попиранія народнаго языка въ Финляндіи. Осуществленіе права въ жизни народовъ составляетъ конечную и высшую цѣль всякаго государственнаго порядка; оно входитъ несомнѣнно въ прямыхъ »интересахъ» всякаго благоустроеннаго государства. Отклоненіе отъ этого основного принципа есть роковая ошибка, послѣдствія которой со временемъ обнаружатся еще самымъ чувствительнымъ образомъ. Какъ поверхностная теорія, надо полагать, этотъ принципъ признается и тѣми, которымъ содержаніе его прямо противно и которые поэтому довольствуются лишь призракомъ права, давая произвольнымъ нелегальнымъ декретамъ внѣшнюю оболочку главъ и параграфовъ закона. Но юридическая обоснованность закона заключается не въ этомъ: сила его зиждется на томъ, чтобы самъ народъ чувствовалъ распоряженія властей какъ бы исходящими изъ собственнаго его сердца, какъ бы отраженіемъ лучшихъ его качествъ, его собственнаго

правового сознанія. Такого рода велѣнія, которыя, подъ ложнымъ наименованіемъ закона, нарушаютъ положительное право культурнаго народа, живущаго своею самостоятельною національною и государственною жизнью, и которыя заставляютъ властей, вопреки ихъ совѣсти и служебнымъ прямымъ обязанностямъ, производить дѣла на языкѣ, непонятномъ для самого народа, никогда не могутъ быть признаны правомѣрными въ Финляндіи.

Таково непреложное мнѣніе всего финскаго народа о незаконномъ манифестѣ 1900 года.*)

---

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ наглядно самыя событія въ Финляндіи въ критическіе дни, предшествовавшіе непосредственно промульгаціи манифеста, а именно: сильный наплывъ со всѣхъ концовъ края извлеченій изъ протоколовъ, составленныхъ на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ и поданныхъ въ Сенатъ общинными представителями, обстоятельный адресъ, представленный бывшими сеймовыми депутами по сему предмету незаконному министру статсъ-секретарю, г-ну Плеве, и т. д.; наконецъ общественное мнѣніе съ полнымъ единодушіемъ выражалось и газетами всего края. (При этомъ самая выдающаяся изъ всѣхъ гельсингфорсскихъ газетъ »Nya Pressen» была прекращена на всегда). Въ самомъ Сенатѣ манифестъ вызвалъ полную катастрофу: Сенатъ постановилъ войти съ особымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ по настоящему предмету (отъ 30 іюня 1900 г.), а изъ 20 сенаторовъ 12 засимъ подали въ отставку въ видѣ протеста. Итакъ, Сенатъ лишился »en masse» самыхъ честныхъ и достойныхъ своихъ членовъ, оставляя двери открытыми для болѣе податливыхъ, безпринципныхъ и даже нечестныхъ элементовъ, по выбору генерала Бобрикова. Такимъ образомъ, завершилось дѣло постепеннаго развращенія личнаго состава финляндскихъ сенаторовъ, — на бѣду Финляндіи и къ стыду современной коварной русской политики въ этомъ многострадальномъ краѣ.

* * *

Одна изъ пропозицій, которыя Александръ I передалъ на разсмотрѣніе сейма въ г. Борго, касалась учрежденія Правительствующаго Финляндскаго Совѣта. Проектъ этотъ былъ окончательно разсмотрѣнъ на сеймѣ 15 и 16 іюня, и представленныя Земскими Чинами немногія замѣчанія были приняты во вниманіе и уважены въ изданномъ 18 августа »Регламентѣ для Правительствующаго Совѣта. Учрежденіе этого Совѣта принадлежитъ къ ряду тѣхъ актовъ, въ которыхъ выразилось намѣреніе Императора Александра I на вѣчныя времена обезпечить благополучіе Финскаго народа. Такъ въ введеніи въ учрежденію Правительствующаго Совѣта прямо значится: »Между способами къ утвержденію блага Финляндіи, учрежденіе мѣста для главнаго Управленія представилось Намъ главнѣйшею необходимостью . . .» Въ манифестѣ 27 марта 1810 г. Александръ I вновь самымъ несомнѣннымъ образомъ объявляетъ, что »учрежденіе Правительствующаго Совѣта въ нѣдрахъ націи», равно какъ и »всѣ акты по сіе время изданные по отношенію къ внутреннему управленію страны» . . . . »суть только послѣдствіе и примѣненіе» утвержденнаго начала управлять Финляндіей »какъ свободной націей, пользующейся правами, обезпеченными за ней ея конституціей».

Эта мысль вообще, а въ частности положеніе Сената и непосредственное отношеніе его къ лицу монарха подтверждается въ торжественномъ манифестѣ 21 февраля 1816 г. слѣдующими знаменательными словами: ». . . . Мы . . . . . учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшилъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами . . . надѣемся МЫ, что довольно утвердили на

всегданія времена данное НАМИ обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ. Нынѣ же ..... находимъ МЫ, для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ Мѣстномъ Управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему, удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе: Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ Конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ. При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ, избирать въ члены сего Финляндскаго Сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ токмо коренныхъ Финляндцевъ или водворившихся тамъ и Финляндское Гражданское право пріобрѣвшихъ, Повелѣваемъ: всѣмъ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, равно какъ и прочимъ, до кого сіе касается, исполнять всѣ тѣ предписанія, какія именемъ Нашимъ, и со стороны Нашей, изданы будутъ отъ Императорскаго Финляндскаго Сената, что до селѣ былъ Правительствующій Совѣтъ, и съ симъ постановленіемъ Нашимъ въ точности сообразоваться ....»

Сперанскій безусловно правъ въ томъ, что до 1809 г. »Финляндія никогда не имѣла особеннаго совѣта». Даже въ самой Швеціи въ періодъ соединенія Финляндіи и Россіи не было, какъ мы видѣли, такого учрежденія. Несомнѣнно также, что »никакимъ закономъ сенатъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами шведскаго государственнаго совѣта». Но онъ, прежде всего, — съ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ — замѣняетъ собой прежнія шведскія государственныя коллегіи, верховный судъ и канцлера юстиціи, о которыхъ было постановлено въ основныхъ законахъ.

Г. Б. между прочимъ говоритъ, будто регламентъ ставитъ вопросы, предусмотрѣнные въ §§ 15—18, вопреки Формѣ Правленія и Акту Соед. и Безоп., »въ исключительную зависимость отъ Монаршей воли». Названныя имъ параграфы, однако, не содержатъ никакого измѣненія въ основныхъ законахъ. Ими только разграничена компетенція Совѣта, т. е. опредѣлены границы делегаціи ему той власти, которой пользуется монархъ на основаніи законовъ. Такъ, напр., § 15 ограничиваетъ право Совѣта рѣшать въ послѣдней инстанціи и т. д.

Г. Б. пишетъ также, что регламентъ 1809 г. финляндцы относятъ »безъ малѣйшаго къ тому основанія(!), къ разряду основныхъ законовъ края (напр., Л. Мехелинъ*)» и что (стр. 38) »профессоръ Р. Германсонъ возсталъ противъ неосновательности заявленія Мехелина». — Въ дѣйствительности финляндскіе юристы всегда признавали двойственный характеръ законоположеній, регламентирующихъ организацію Финляндскаго Сената.

Вотъ подлинныя слова г. Мехелина: »... регламентъ Правительствующаго Совѣта ..... не имѣетъ цѣликомъ характера закона, изданнаго Монархомъ и Земскими Чинами. Эта установленіе содержитъ не только такія фундаментальныя постановленія относительно организаціи управленія, которыя принадлежатъ къ области основныхъ законовъ, но и многія уставныя опредѣленія, изданіе и измѣненіе которыхъ несомнѣнно составляютъ предметъ административнаго зако-

---

*) На стр. 38 г. Бородкинъ также совершенно неосновательно пишетъ, будто Л. Мехелинъ оспариваль, что 2, 4 и 5 главы кор. отд. Земск. Уложенія 1442 г. являются основными. Въ предисловіи, стр. XIII и XIV, сборника »Storfurstendömet Finlands Grundlagar» г. Мехелинъ, наоборотъ, опредѣленно говоритъ, что эти главы, »имѣютъ силу положительныхъ законоположеній» въ области основныхъ законовъ.

нодательства . . . Но если регламентъ 1809 г., такимъ образомъ, является установленіемъ смѣшаннаго характера и границы между постановленіями одной и другой категорій въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно провести, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постановленія, отъ которыхъ свойство организаціи и компетенціи Совѣта существенно зависитъ, по праву должны быть признаны основными законоположеніями и потому не могутъ быть измѣнены безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ . . .»

Что касается мнѣнія профессора Р. Германсона, то его изслѣдованіе о положеніи Сената окончательно сводится въ тому, что »Сенатъ есть учрежденіе, занимающее мѣсто между тѣми, существованіе которыхъ гарантируютъ наши основные законы . . .»*) Профессора Мехелинъ и Германсонъ, слѣдовательно, по существу, приходятъ къ одному и тому же результату, а именно, что измѣненіе принциповъ, дѣйствующихъ относительно Сената, можетъ произойти лишь въ порядкѣ, установленномъ для измѣненія основныхъ законовъ.

Императорскій Финляндскій Сенатъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ вполнѣ опредѣленный характеръ постояннаго государственнаго установленія. Онъ въ отношеніи незыблемости своей организаціи обезпеченъ уже особыми торжественными удостовѣреніями Александра I. Но государственно-правовое значеніе регламента его опредѣляется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя его постановленія заступили мѣсто соотвѣтствующихъ положеній основныхъ законовъ. Всѣ такого рода постановленія, разумѣется, могли получить силу закона только съ вѣдома исогласія Земскихъ Чиновъ. А такъ какъ они замѣняли собой основныя законоположенія, то за означенными постановленіями регламента слѣдуетъ также признать значеніе основного закона. Сверхъ сего, положеніе Сената обусловливается отча-

*) См. »Проектъ Формы Пр. для Вел. Кн. Финл. IV. Отд. мнѣніе члена комит. Германсона». 1900 г. стр. 13—14.

сти и множествомъ позднѣйшихъ законовъ, изданныхъ при содѣйствіи Земскихъ Чиновъ, въ томъ числѣ и имѣющихъ святость основного закона. — Въ виду всего этого коренное измѣненіе организаціи и сферы компетенціи Сената можетъ произойти лишь съ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что изданныя 26 авг./8 сент. 1902 г. единовластно Монархомъ, т. е. административнымъ путемъ, постановленія »объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія Императорскаго Финляндскаго Сената», равно какъ и »о расширеніи полномочій Губернаторовъ Великаго Княжества Финляндскаго» въ ущербъ компетенціи Сената, являются грубыми нарушеніями огражденныхъ основными законами и монаршими обѣтами правъ финскаго народа. Извѣстно, что Сенатъ по праву составляетъ центръ внутренняго управленія и верховный судъ Финляндіи; теперь же онъ со всѣми экспедиціями и съ состоящими въ вѣдѣніи его учрежденіями совершенно отданъ на произволъ генералъ-губернатору. Этотъ сановникъ является нынѣ почти полнымъ и неотвѣтственнымъ самодержцемъ въ области вѣдѣнія Сената; напр., по § 8, онъ можетъ, независимо отъ того, участвовалъ ли онъ въ разсмотрѣніи въ Сенатѣ дѣла или нѣтъ, представить на Высочайшее благоусмотрѣніе замѣчанія на любое опредѣленіе Сената или даже дѣлать распоряженіе о пріостановленіи приведенія сенатскихъ опредѣленій въ исполненіе, впредь до воспослѣдованія Высочайшаго разрѣшенія, за исключеніемъ, однако, постановленій »въ судебномъ порядкѣ». Говоря иными словами, онъ имѣетъ, въ извѣстной мѣрѣ право заявляетъ veto по всѣмъ сенатскимъ рѣшеніямъ и можетъ въ Петербургѣ, конечно, провести все, что ему угодно, при полномъ отсутствіи доступа для финляндцевъ

къ особѣ Монарха. Чтобъ окончательно подавить голосъ и самого народа, т. е. его древнее и освященное закономъ право обращаться непосредственно къ монарху, § 18 воспрещаетъ Сенату подвергать разсмотрѣнію: ». . . . подаваемыя нѣсколькими лицами скопомъ прошенія, адресы, петиціи, коп, подъ видомъ ходатайствъ о нуждахъ края, клонятся къ осужденію дѣйствій правительства или къ колебанію общественнаго порядка и спокойствія». Изъ числа возмутительныхъ постановленій этого декрета отмѣтимъ также § 25. Въ силу инструкціи 1812 г., прокурору присвоено важное право входить съ представленіемъ къ монарху, когда генералъ-губернаторъ или Сенатъ уклоняются отъ требованій законовъ. Теперь же это право отнято у прокурора, поскольку оно касается генералъ-губернатора, а замѣчанія прокурора о противозаконности дѣйствій Сената представляются монарху не иначе какъ черезъ посредство этого сановника. Генералъ-губернатору, слѣдовательно, предоставляется безконтрольно возможность вовсе и не предъявлять означенныхъ замѣчаній по назначенію, если онъ только этого пожелаетъ, или же приправлять ихъ лживыми объясненіями. Такимъ образомъ, всякое общеніе между финскимъ народомъ и монархомъ окончательно прервано. Монархъ является страшно изолированнымъ, и оффиціальная ложь, стряпаемая генералъ-губернаторомъ и незаконнымъ министромъ статсъ-секретаремъ, есть нынѣ единственная вѣсть, которая изъ Финляндіи доходитъ до трона . . . . Въ новомъ противозаконномъ декретѣ, очевидно, проведены въ жизнь какія-то деспотическія, ультра-реакціонныя начала, совершенно чуждыя западноевропейской цивилизаціи.

* * *

Когда наконецъ (на стр. 25, 29 и сл.) авторъ считаетъ возможнымъ утверждать, что боргоскій сеймъ*) былъ только совѣщательнымъ собраніемъ, а не риксдагомъ въ предусмотрѣнномъ Формою Правленія смыслѣ, то это объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. »Происходя отъ совѣщательнаго собранія — сказано въ всеподд. отвѣтѣ чрезвычайнаго сейма — т. е. отъ прежняго государственнаго совѣта, усиленнаго другими элементами, по назначенію короля, риксдагъ только впослѣдствіи постепенно пріобрѣлъ право осуществлять власть народа по дѣламъ, которыя прежде рѣшались самимъ населеніемъ въ народныхъ собраніяхъ, такъ называемыхъ земскихъ соборахъ. Послѣдствіемъ этого происхожденія риксдага было, что риксдагъ, и по обращеніи его въ настоящее народное представительство, подавалъ заключенія также по такимъ вопросамъ, которые рѣшались единоличною властью короля, но этимъ нисколько не умалялся присущій риксдагу характеръ народнаго представительства, согласіе котораго обязательно при изданіи законовъ и установленіи налоговъ . . .»

Что Александръ I на сеймъ въ Борго перенесъ именно »права и полномочія шведскаго риксдага» доказываютъ какъ разъ самые акты этого сейма. Въ Высочайшемъ манифестѣ 20 января/1 февраля 1809 г. о созывѣ общаго сейма въ г. Борго онъ говоритъ, что созываетъ государственныхъ чиновъ Финляндіи (les états de Finlande) на сеймъ »сообразно съ установленіями страны» — conformément aux con-

---

*) Въ числѣ прочихъ неточностей, которыми г. Б. украшаетъ свой отдѣлъ о боргоскомъ сеймѣ, укажемъ и на слѣдующую: на стр. 26 онъ говоритъ, что при установленіи, напр., размѣра ваканціонной подати Александръ I »принялъ во вниманіе не мнѣніе большинства земскихъ чиновъ, какъ надлежало, а заявленіе хозяйственной коммиссіи сейма». Противъ этого надо замѣтить, что рѣшеніе сейма въ его всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ представлено было, не въ формѣ окончательнаго постановленія со стороны Земскихъ Чиновъ, а въ видѣ альтернативы ко мнѣнію коммиссіи. Такимъ образомъ, правительство не было безусловно связано рѣшеніемъ большинства Земскихъ Чиновъ.

stitutions du pays —; или далѣе: »по этому поводу депутаты всѣхъ сословій соберутся путемъ, предписаннымъ установленіями сейма — de la manière prescrite dans les règlements de diète. Послѣдняя фраза этого манифеста согласуется даже почти вполнѣ по своей редакціи съ параграфомъ 38 Формы Правленія о созывѣ риксдага. Въ тронной рѣчи 28 марта 1809 г. также сказано: »Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; ваше собраніе здѣсь удостовѣряетъ исполненіе моихъ обѣщаній....» Въ введеніи Высочайшихъ пропозицій, переданныхъ 16/28 марта Земскимъ Чинамъ на сеймѣ въ г. Борго, значится: »Его Императорское Величество, созывая государственныхъ чиновъ Финляндіи на общій сеймъ, пожелали дать этимъ торжественное доказательство великодушныхъ Своихъ намѣреній сохранять и соблюдать ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и привилегіи всѣхъ сословій вообще, и каждаго гражданина въ особенности...»*) и т. д.

Въ Финляндіи всегда признавалось, что нѣкоторые параграфы, собственно, закона 1772 г. на дѣлѣ непримѣнимы, вслѣдствіе самаго факта отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи и соединенія ея съ Россіей. Таковы, напр., опредѣленія касательно престолонаслѣдія и вѣроисповѣданія монарха. Обстоятельство это вполнѣ сознавалось какъ Императоромъ Але-

---

*) См. между прочимъ и упомянутое на стр. 7. Высочайшее постановленіе отъ 31 декабря 1811 г. Въ письмѣ Сперанскаго къ Барклаю де Толли отъ 9 іюля 1809 г. на французскомъ языкѣ также сказано: »Императоръ рѣшился сохранить ихъ конституцію. Ничто не могло лучше доказать это великодушное намѣреніе какъ собраніе сейма, сообразно съ законами края. Сеймъ уже созванъ...»

ксандромъ I, такъ и Сперанскимъ и тогдашними финляндскими дѣятелями. Возбужденъ былъ даже вопросовъ о выработкѣ въ надлежащемъ порядкѣ соотвѣтствующихъ измѣненій въ видѣ дополненій къ основнымъ законамъ края. Но этотъ путь, однако, былъ оставленъ. Александръ I и его главнѣйшіе сотрудники удовольствовались тѣмъ, что считали таковыя измѣненія, какъ бы сами собой разумѣющимися. Императоръ самъ не желалъ также какими бы то ни было резерваціями умалять впечатлѣніе своего священнаго акта удостовѣренія. На практикѣ приведенное обстоятельство также не вызвало никакихъ затрудненій въ отношеніи примѣненія сказаннаго основного закона. Такимъ образомъ, было условлено, что постановленія о престолонаслѣдіи и другихъ связанныхъ съ нимъ вопросахъ перестали имѣть силу, а ихъ мѣсто непосредственно заступили установленныя или впредь имѣющія быть установленными въ Имперіи узаконенія по симъ предметамъ.

Изложеніе г:на Б. по настоящему вопросу, впрочемъ, совершенно сбивчиво и ложно. Толкуя о недѣйствительности означенныхъ параграфовъ, онъ, для лучшаго эффекта, включаетъ въ свои общіе итоги и постановленія, потерявшія силу уже въ 1789 г., по принятіи Акта С. и Б., или же замѣненныя послѣ 1809 г., съ вѣдома и согласія Государственныхъ Чиновъ, соотвѣтствующими положеніями регламента для Правительствующаго Совѣта.*) Частные примѣры, перечисленные г:мъ Б. въ этомъ отношеніи изъ Формы Правленія также несостоятельны. Параграфы 3, 6 и 7, напр., касаются государственнаго совѣта; автору, стало быть, неизвѣстно, что Густавъ III — какъ уже раньше указано — на основаніи § 2 Акта С. и Б., отмѣнилъ совѣтъ; упомянутые параграфы, слѣдовательно, не имѣли болѣе силы въ періодъ соединенія Финляндіи съ Россіей; что касается §

*) Ссылка стр. 37 на сборн. »Финляндію», изданіе Поповой, съ приведенной тутъ цифровой данной является сплошною подтасовкой, въ чемъ читателю самому легко убѣдиться.

18, по которому войска обязаны были присягать не только королю, но государству и государственнымъ чинамъ, то правило относительно особаго упоминанія государственныхъ чиновъ не примѣнялось въ Швеціи уже съ 1789 г.; § 33 о недѣлимости государственной территоріи имѣетъ и по настоящее время полное свое примѣненіе — какъ это раньше сказано и т. д., и т. д.

*

Г. Б. также пишетъ: »Въ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г., напротивъ, говорится, что король имѣетъ »полную власть управлять государствомъ», но при этомъ онъ замалчиваетъ существенную оговорку: »по писанному закону Швеціи», какъ то постановлено въ слѣдующемъ параграфѣ, N:o 2, упомянутаго закона. Впрочемъ, въ § 1 рѣчь идетъ лишь объ исполнительной власти короля, которая сдѣлалось теперь независимой отъ государственнаго совѣта. — Кстати, замѣтимъ, что на стр. 90 г. Б. возвращается къ той же темѣ; но на этотъ разъ, нисколько не стѣсняясь положительнымъ содержаніемъ закона, онъ лживо заявляетъ, будто, »благодаря Акту Соединенія и Безопасности 1789 г., . . . шведскіе короли вернулись къ самодержавію»! Къ только что сказанному присовокупимъ, что упомянутое узаконеніе оставило нетронутыми, напр., права Государственныхъ Чиновъ по самообложенію и по участію въ законодательствѣ; что оно признаетъ принципъ несмѣняемости судей и государственныхъ чиновниковъ, не имѣющихъ достоинства довѣренной особы, въ силу чего означенныя лица не могутъ быть смѣщены съ должности иначе, какъ по предварительному законному слѣдствію и приговору суда и т. д. Наконецъ, и въ § 9 ясно постановляется, что Форма Правленія 1772 г. »остается въ ненарушимой силѣ во всемъ, что симъ Актомъ не измѣнено». Такимъ образомъ, изданіе въ 1789 г. Акта С. и Б. имѣло правда, отчасти характеръ измѣненія дѣйствующихъ основныхъ за-

коновъ, въ смыслѣ расширенія королевской власти, хотя, съ другой стороны, »никакого новаго государственнаго устройства въ Швеціи и Финляндіи» это узаконеніе отнюдь не ввело.

Подъ вліяніемъ ли реакціонныхъ теченій послѣднихъ годовъ царствованія Александра I или потому, что онъ былъ занятъ другими дѣлами, но онъ болѣе не созывалъ финляндскаго сейма послѣ сессіи его въ Борго въ 1809 г. Собственно говоря, въ этомъ не заключалось превышеніе власти съ его стороны въ виду того, что въ Формѣ Правленія не была установлена періодичность сейма. Мало того, въ 1819 г. Государь даже далъ обѣщаніе о созывѣ сейма »коль скоро обстоятельства это позволятъ — aussitôt que les circonstances le permettront».*) Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ онъ отложилъ впредь до созыва сейма и поставилъ въ зависимость отъ одобренія Земскихъ Чиновъ слѣдующіе вопросы: расквартированіе войскъ (постановленіе 31 января/12 февраля 1812 г.), проектъ дополненій къ Уставу Рыцарскаго Дома (1816 г.), проектъ новаго церковнаго

---

*) Въ 1819 г. былъ вновь возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ въ законодательномъ порядкѣ финляндской конституціи. Имѣются даже положительныя доказательства тому, что Александръ I, по докладу и. д. предсѣдателя комитета по финляндскимъ дѣламъ, барона Р. Ребиндера, далъ устное велѣніе о назначеніи особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ барона А. Аминова, въ нѣдрахъ финляндской націи, для означенной цѣли; одновременно коммиссіи надлежало выработать правительственныя пропозиціи о расширеніи правъ и полномочій сейма въ видѣ полезныхъ добавленій къ конституціи, какъ то относительно установленія періодичности сейма, законом'рной свободы печати, цѣлесообразной отвѣтственности для высшихъ сановниковъ, во избѣжаніе противузаконныхъ дѣйствій и злоупотребленія ими своей власти. Предположеніе это, однако, не осуществилось по болѣе или менѣе неизвѣстнымъ причинамъ .... Леденящій холодъ реакціи резпространился по Европѣ и задушилъ всѣ благія начинанія правительствъ на пользу народовъ ....

закона (1817 г.), о бракахъ между лицами лютеранскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій (1819 г.), о пожизненной ссылкѣ преступниковъ въ Сибирь (1820 г.), объ отмѣнѣ запрета для сельской торговли (1823 г.)*) и т. д. Къ тому же, въ текстѣ § 2 упомянутаго выше постановленія о воинскомъ постоѣ, въ которомъ перечислены изъятыя отъ постоя лица, Государь собственноручно прибавилъ, что изъятія эти остаются въ силѣ »pour le présent et jusqu'à ce que nous pourrions conjointement avec les Etats en statuer autrement. — Итакъ, Александръ I никогда — даже въ реакціонный періодъ его царствованія — и не думалъ было отрицать авторитетъ сейма въ сферѣ законодательной. Многіе изъ намѣченныхъ имъ и даже приготовленныхъ пропозицій относятся, какъ разъ, ко времени заключенія »священнаго союза».*)

Приведемъ здѣсь и слова, сказанныя Императоромъ во время посѣщенія имъ Гельсингфорса въ 1819 г. барону Аминову: »я могу умереть сегодня или завтра и желаю, пока я живъ, обезпечить Васъ при настоящемъ и послѣ моей смерти удостовѣрить Ваше благо и Вашу самостоятельность». Такова была основная мысль всѣхъ его дѣйствій по отношенію къ Финляндіи. Въ заключеніе характеристики царствованія Александра I передадимъ компетентное свидѣтельство одного изъ приближенныхъ Императатора, финляндскаго министра статсъ-секретаря барона Ребиндера. Въ своихъ мемуарахъ Ребиндеръ приводитъ слова, сказанныя ему Императоромъ Александромъ: »Я обѣщалъ сохранить ваши законы, ваши привилегіи и ваши учрежденія. Я сдержу свое слово». По этому поводу Ребиндеръ замѣчаетъ: »дѣйствительно, все, что Онъ обѣщалъ, Онъ добросовѣстно исполнилъ, я торжественно свидѣтельствую объ этомъ предъ небомъ и исторіею, безпристрастнымъ судьей государей и народовъ». Въ другомъ мѣстѣ, вспоминая, какъ Императоръ, при принесеніи присяги въ

*) R. Castren: »Skildringar ur Finlands nyare historia», стр. 355 и сл. Даніельсонъ: »Внутр. самост. Финл.», стр. 71—77.

боргоскомъ соборѣ »въ присутствіи Земскихъ Чиновъ, предъ алтаремъ далъ торжественный обѣтъ сохранить законы и конституцію Великаго Княжества, а также привилегіи всѣхъ корпорацій», Ребиндеръ замѣчаетъ: »эту присягу Онъ добросовѣстно соблюдалъ съ той минуты, когда Онъ принесъ ее, вплоть до конца своей жизни».*)

---

*) Р. Германсонъ: »Гос.-прав. пол. Финл.», вып. I-й, стр. 90.

VI.

На стр. 42 »Михайловъ» говоритъ: »Для наличности государства современная наука требуетъ, чтобы имѣлись у Финляндіи своя собственная территорія, свое населеніе, или свои подданные, и, наконецъ, своя особая власть». Затѣмъ онъ задается вопросомъ: »Находятся ли эти элементы у Финляндіи?» На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть лишь одинъ. — У Финляндіи имѣются на лицо всѣ эти элементы, да еще въ бо́льшей мѣрѣ, нежели это, строго говоря, необходимо для признанія государственности ея.

Казалось бы не лишнимъ, еслибъ авторъ обратился за разъясненіями о политическомъ положеніи Финляндіи къ авторитетному свидѣтельству ученыхъ спеціалистовъ по государственному праву. Во всякомъ случаѣ онъ могъ бы справиться по настоящему предмету у русскихъ же выдающихся государствовѣдовъ. Уже въ изданномъ въ 1866 году сочиненіи: »О народномъ представительствѣ», стр. 184—185, Б. Чичеринъ, ссылаясь на ст. 4-ую россійскихъ основныхъ законовъ, говоритъ, что самый русскій законъ признаетъ Финляндію отдѣльнымъ государствомъ, неразрывно связаннымъ съ Россіею, но не входящимъ въ ея составъ; Финляндія не

инкорпорирована въ Россію, а только соединена съ нею подъ однимъ скипетромъ. Профессоръ А. Градовскій въ изданномъ въ 1875 г. трудѣ »Начала русскаго государственнаго права» I, стр. 134 (2 изд. 1892 г.), приходитъ къ такому выводу: »слѣдовательно, Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою Императорскою короною». Профессоръ В. Сергѣевичъ (»Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права» 1883 г., стр. 628) говоритъ, между прочимъ, что присоединенная къ Россіи Финляндія »сдѣлалась отдѣльнымъ государствомъ по волѣ Александра I»; въ Финляндіи — присовокупляетъ онъ — »Верховная власть имѣетъ другой характеръ, чѣмъ въ Россіи. Въ Россіи Государь самодержавенъ и неограниченъ, въ Финляндіи же онъ царствуетъ при участіи Сейма . . .»

Въ числѣ серьезныхъ русскихъ спеціалистовъ по государственному праву, подвергнувшихъ вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи безпристрастному и всестороннему изслѣдованію, занимаютъ видное мѣсто г. Д. В. Философовъ и профессоръ В. В. Ивановскій. Первый изъ нихъ въ статьѣ: »Финляндія и Россія», появившейся въ 1898 г. въ »Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» т. VIII, по поводу сочиненія нѣмецкаго профессора Еллинека: »Ueber Staatsfragmente», разсмотрѣлъ также всѣ факторы, вліящіе на положеніе Финляндіи. Между прочимъ онъ говоритъ, что, такъ какъ очевидно, »что верховная власть въ Финляндіи основывается на финляндскомъ законѣ и что юридически она отдѣлена отъ имперской верховной власти», Великое Княжество должно быть признано государствомъ, а подчиненнымъ суверенной Имперіи. Профессоръ В. В. Ивановскій въ своемъ сочиненіи: »Русское государственное право» (Казань 1885—1898) на чисто юридическихъ основаніяхъ приходитъ къ тому заключенію, что соединеніе Финляндіи съ Россіею ближе всего подходитъ къ

реальной уніи, хотя нѣкоторыя неясности могутъ подать поводъ къ другому взгляду на дѣло.

Также и профессора Кіевскаго университета Романовичъ-Славатинскій (въ сочиненіи по русскому государственному праву, изданномъ въ 1868 г.) и профессоръ русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ Энгельманъ пришли къ тому заключенію, что Россія и Финляндія суть соединенныя въ реальной уніи государства.

Если засимъ обратиться къ гг. Коркунову, Сергіевскому и имъ подобнымъ, то »изслѣдованія» этихъ авторовъ грѣшатъ противъ элементарнаго требованія всякаго научнаго труда, — противъ объективности; они написаны слишкомъ односторонне и тенденціозно, или, точнѣе говоря, при отсутствіи желанія отнестись честно и неподкупно къ истинѣ и къ историческимъ фактамъ, а потому мы можемъ совершенно оставить ихъ внѣ счета.

Особенно единогласнымъ, можно сказать, выступаетъ мнѣніе западно-европейскаго ученаго міра о государственности Финляндіи. Такъ, напр., профессоръ Б. Гецъ говоритъ: ». . . . Имѣются, напротивъ, положительныя основанія для признанія Финляндіи особымъ государствомъ. Если сравнить положеніе Финляндіи, какимъ оно было установлено въ 1809 году, съ положеніемъ, напр., нѣмецкихъ государствъ, или штатовъ Сѣверо-Американской республики — этихъ всѣми признанныхъ государствъ —, то найдутъ, что Финляндія имѣетъ не только такую же самостоятельность и самоуправленіе, какъ эти государства, но и еще гораздо бо́льшую. Автономія Финляндіи простирается на всю область законодательства и управленія, съ изъятіемъ изъ нея лишь иностранныхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ всему государству (»Riget»), т. е. союзному государству, принадлежитъ значительная часть законодательства и управленія также и во внутреннихъ дѣлахъ. И эта автономія удостовѣрена Финляндіи, какъ ненарушимая, до тѣхъ поръ пока сама страна не откажется отъ нея или только отъ части ея. Финляндія, слѣдо-

вательно, не только имѣетъ право самоопредѣленія касательно собственнаго своего основного закона, такъ что никакая другая сила, кромѣ опредѣленной въ этомъ самомъ законѣ, не можетъ измѣнить, напр., взаимное отношеніе между монархомъ и народнымъ представительствомъ; но даже болѣе того — безъ согласія Финляндіи не можетъ произойти измѣненіе въ отношеніяхъ между Финляндіей и Россіей, расширеніе правъ Россіи насчетъ правъ Финляндіи или увеличеніе числа такихъ случаевъ, которые, какъ имѣющіе общее значеніе, рѣшаются единолично государемъ; въ Германіи же и въ Сѣверной Америкѣ право отдѣльныхъ государствъ въ этомъ отношеніи простирается только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такъ далеко, какъ до подобнаго liberum veto .... Такимъ образомъ, Финляндія безспорно обладаетъ всѣми атрибутами, необходимыми, по установившемуся мнѣнію, для того, чтобы извѣстную организацію признать государствомъ; она обладаетъ ими даже въ значительно бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ это, строго говоря, необходимо.» *)

Такъ же положительно высказывается профессоръ международнаго права въ Бордоскомъ университетѣ Фр. Деспанье**): »Великое Княжество Финляндское есть безъ сомнѣнія государство съ томъ смыслѣ, что принято называть внутреннимъ суверенитетомъ (»en ce qui concerne ce que l'on est convenu d'appeler la souveraineté interne») .... Она дѣйствительно имѣетъ свою собственную конституцію, свои отдѣльные основные законы ...; она не подчиняется, какъ русская провинція, суверенитету, насильно навязанному ей; она управляется въ силу принятаго ею суверенитета (»celle-ci ne subit pas, comme une province russe, une

*) Курсивъ нашъ.

**) »La question finlandaise au point de vue juridique», стр. 78 (Русскій переводъ сочиненія проф. Деспанье, изданіе І. Реде 1901 г, въ настоящемъ мѣстѣ, какъ и вообще, не совсѣмъ удовлетворителенъ).

souveraineté imposée, elle est régie par une souveraineté acceptée») .... Что касается международныхъ сношеній, или, по принятому выраженію, правъ державности внѣшней, или независимости, то Финляндія не имѣетъ, и никогда не имѣла ея ....»

Къ выводамъ профессора Деспанье присоединилось тринадцать профессоровъ международнаго и государственнаго права въ французскихъ университетахъ. Изъ нихъ профессоръ конституціоннаго права въ Бордоскомъ университетѣ Леонъ Дюги спеціально мотивировалъ свое согласіе слѣдующимъ образомъ: »Если несмотря на эти ясныя доказательства, будутъ продолжать утверждать, что Финляндія не имѣетъ характера государства, что никакого обязательнаго для Россіи договора не существовало, а было лишь милостивѣйшее пожалованіе извѣстныхъ льготъ, могущихъ въ каждый моментъ быть взятыми обратно, — то такое утвержденіе несостоятельно и фактически, и юридически. Фактически, — характеръ государства былъ признанъ за Финляндіей въ повторныхъ клятвенныхъ обѣщаніяхъ русскихъ Императоровъ, начиная отъ Александра I и кончая Николаемъ II. Юридически, — простое единоличное обѣщаніе, на столько же сильно, какъ договоръ; оно связываетъ императоровъ и королей совершенно такъ же, какъ простыхъ частныхъ лицъ. — Во Франціи хартія 1814 года исходила отъ единоличной воли Людовика XVIII-го; она безспорно обязывала монарха, который ее далъ, и его наслѣдника, поклявшагося въ вѣрности ей, такъ же строго, какъ и договорная конституція. Если бы правители могли произвольно отказываться отъ сдѣланныхъ ими юридическихъ обѣщаній, то не было бы больше государственнаго права».

Въ томъ же смыслѣ высказывается и Жозефъ Дельпешъ*): ».... Финляндія можетъ быть разсматрива-

*) »La question finlandaise. Les droits du Grand-duché de Finlande et le manifeste du tsar du 3/15 février 1899».

ема какъ государство; она имѣетъ суверенитетъ ..... по крайней мѣрѣ, часть этого суверенитета, единственный положительный, т. е. суверенитетъ внутренній». Далѣе онъ присовокупляетъ, что Великое Княжество только во внѣшнихъ сношеніяхъ зависитъ отъ Имперіи, не теряя, впрочемъ, отъ этой подчиненности своей государственности въ виду того, что суверенитетъ всеже является относительнымъ. О неприкосновенности правъ Финляндіи Дельпешъ, равно и профессоръ юридическаго факультета Парижскаго университета А. Пилле въ другой брошюрѣ*), по поводу пресловутаго манифеста 3/15 февраля 1899 г., высказываются между прочимъ такъ: »Существуетъ, по крайней мѣрѣ, законъ совершенно общаго примѣненія, одинаково обязательный какъ для монарха, такъ и для простыхъ индивидуумовъ . . . законъ, которымъ проникнуты всѣ человѣческія общества и который соединяетъ ихъ, обусловливая ихъ существованіе: это — законъ уваженія даннаго слова. Въ этомъ заключается, на самомъ дѣлѣ, великій законъ всеобщаго мира, котораго нельзя задѣвать, не нарушая этимъ самымъ основы права всѣхъ другихъ .... Мы въ этомъ изслѣдованіи становились исключительно на точку зрѣнія права. Однако, право не составляетъ единственную точку зрѣнія, примѣнимую къ данному вопросу; независимо и отъ тѣхъ вопросовъ крайне серьезнаго интереса, которые задѣты въ этомъ преніи, намъ на самомъ дѣлѣ не трудно показать, что финляндцы могутъ взывать къ голосу общественной честности (»se réclamer du cri de l'honnêteté publique») и къ требованіямъ чести, — той самой чести, которую Монтескіё ставитъ въ основу монархій. Мы не будемъ вдаваться въ эти сторону изслѣдованія. Намъ кажется несомнѣннымъ, что Императоръ Николай II не пожелаетъ оста-

---

Extrait de la »Rev. gén. du droit intern. publ.» (sept.—oct. 1899) стр. 22.

*) »La question finlandaise. Le manifeste du tsar examiné au point de vue du droit international». Оттискъ изъ »Rev. gén. de droit intern. publ.» (mai—juin 1900), стр. 22.

вить неисполненнымъ слова, которымъ связалъ себя прародитель его Александръ I».

Датскій государствовѣдъ К. В. Нюхольмъ*) говоритъ: ». . . . Финляндія должна считаться дѣйствительнымъ государствомъ, а не привилегированною провинціею . . . Но съ другой стороны, ... Финляндія не можетъ называться суверенным государствомъ, такъ какъ она въ области иностранной политики и непосредственно связанныхъ съ нею дѣлъ подчинена суверенности Россіи. Это обстоятельство, однако, нисколько не мѣшаетъ ей быть государствомъ, ибо полный суверенитетъ, чего вѣдь не оспариваетъ современная наука государственнаго права, не есть обязательная принадлежность понятія о государствѣ, каковое понятіе поэтому обнимаетъ, какъ суверенныя, такъ и несуверенныя государства.»

Голландскіе профессора общественнаго права И. Оппенгеймъ, И. де Лоутеръ, В. Рейгеръ и Л. де Хартогъ**) отзываются такъ: »Финляндія имѣетъ свою собственную территорію, свой собственный народъ, свои собственныя установленія, собственные законы и правительственные ограны. Финляндія, слѣдовательно, представляетъ собой государство . . . . Россійская держава есть сложное государство; образуя въ международномъ смыслѣ единый, нераздѣльный интернаціональный правовой субъектъ (»Rechtssubject»), оно въ государственно-правовомъ отношеніи состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ и управляемыхъ каждое по собственнымъ законамъ и постановленіямъ; сверхъ сего, одной части принадлежитъ исключительное право являться представителемъ сложнаго государства, какъ правовой личности, и под-

---

*) »Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ», стр. 102—103.

**) »Die finnische Frage. Ein Gutachten. Archiv für öffentliches Recht», издаваемый П. Лабандомъ, О. Мейеромъ и Ф. Штёркомъ. 3 книжка 1900 г.

держивать его международные интересы .... Манифестъ 15 февраля 1899 г. находится въ явномъ противорѣчіи съ предоставленными Финляндіи и подтвержденными впослѣдствіи неоднократно конституціонными ея правами».

Государственность Финляндіи признаютъ также и другіе иностранные писатели, основавшіе свои изслѣдованія на точномъ знаніи финляндскихъ дѣлъ, какъ-то: Анжело[1]), Бри[2]), Сентюпери[3]), Борисъ Минчесъ[4]), Нисбетъ Бенъ[5]), Фишеръ[6]) и др.

Что означаютъ послѣ всего сказаннаго жалкія увѣренія какого-нибудь генерала Бородкина, совершенно неосвѣдомленнаго во вопросамъ государственнаго права и построившаго всю свою карьеру на долголѣтней и систематической клеветѣ насчетъ Финляндіи!

Всѣ экскурсіи г-на Б. въ области государственнаго и международнаго права могутъ на самомъ дѣлѣ вызвать лишь улыбку. Такъ, напр., онъ говоритъ: »Состоящіе въ уніи сохраняютъ свои суверенныя права и являются равно самостоятельными». Типами реальной уніи считаются обыкновенно Австрія и Венгрія, а также соединенныя королевства Швеція и Норвегія, а между тѣмъ полное равенство не проведено пока полностью, напр., между послѣдними въ виду того, что министерство иностранныхъ дѣлъ представляетъ исключительно шведское учрежденіе. Что суверенитетъ не составляетъ существенной принадлежности для государства, учатъ также многіе выдающіеся юристы, какъ-то первый изъ современныхъ государствовѣдовъ Германіи, Лабандъ, Ф. Муль, Ф. Гербенъ, Ф. Пёцль, Г. Мейеръ

---

[1]) »Sommaire des législations des Etats du Nord etc.» Paris 1834.

[2]) »Die Theorie der Staatenverbindungen».

[3]) »L'Europe politique». Paris 1895. III. Стр. 720.

[4]) »Staatsstreich in Finland». Berlin 1899.

[5]) »Finland and the Tsar». Въ Fortnightly Rewiev 1899.

[6]) »Finland and the Tsars». London 1899.

(Meyer), Шульце, Еллинекъ, Роспнъ, Бри, О. Мейеръ (Mejer), Штёберъ, Мишу, Лапрадель и др.

Впрочемъ, по вопросу о суверенитетѣ существуютъ самыя расходящіяся мнѣнія. Въ этомъ отношеніи профессора юридическаго факультета Гренобльскаго университета Леонъ Мишу и А. де Лапрадель справедливо замѣчаютъ*): »Если государство опредѣляютъ, напр., суверенитетомъ, то развѣ только потому что въ эпоху Бодина и Гроціуса, во время абсолютныхъ монархій, отождествляли правителя и государство и силились подыскать у послѣдняго ту полноту власти, которую согласились приписать первому. А если впослѣдствіи понятіе государства освободилось отъ понятія суверенитета, то это произошло съ цѣлью объяснить спеціальное положеніе, созданное для партикулярныхъ государствъ въ федеративномъ государствѣ; первыя сохраняютъ свойство государства, тогда какъ центральная власть перешла къ послѣднему. Всегда, слѣдовательно, опредѣленіе государства находилось подъ вліяніемъ самихъ фактовъ, а если опредѣленія разнятся, то это объясняется тѣмъ, что разсматриваемые факты являются различными. Авторы не соглашаются въ своихъ формулахъ, и безъ сомнѣнія многіе изъ нихъ представляютъ себѣ возможнымъ выводить эти формулы in abstracto, изъ чистаго разума . . . Государство представляетъ собой органическій живой реалитетъ: право установляетъ нормы для него, но не можетъ само по себѣ ни создать, ни уничтожить его. Стало быть, право должно сообразовываться съ историческими фактами, опредѣляя, т. е. констатируя, тотъ реалитетъ, который представляетъ собою государство . . . .« — Что же касается Финляндіи, то она, какъ мы видѣли, обладаетъ также свойствомъ внутренняго суверенитета.

Въ интересахъ истины слѣдуютъ указать тутъ же, что не »огромное большинство финляндскихъ писателей«, — какъ увѣряетъ г. Б. — а сравнительно незначительное число ихъ,

---

*) »La question finlandaise«, стр. 76.

держатся того мнѣнія, что Великое Княжество находится въ реальной уніи съ Россіей. Г. Б. замалчиваетъ при этомъ, что отношеніе Финляндіи къ Россіи характеризуется какъ реальная унія и извѣстными русскими спеціалистами по государственному праву: Чичеринымъ*), Сергѣевичемъ, Романовичъ-Славатинскимъ и Энгельманомъ. Того же мнѣнія придерживаются и значительное число иностранныхъ писателей. Такъ, напр., Бри (»Theorie der Staatenverbindungen», стр. 70) пишетъ: »И отношеніе между Россіей и Финляндіей, несмотря на то, что оно менѣе ясно выражено и даетъ извѣстный перевѣсъ Россіи, подходитъ подъ категорію реальной уніи». Профессоръ Фр. Деспанье также говоритъ: »Какъ бы взгляды публицистовъ ни расходились въ этомъ отношеніи, но такое положеніе (т. е. положеніе Финляндіи), по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ типу реальной уніи, подобной соединенію, существующему между Швеціей и Норвегіей.**) Здѣсь дѣйствительно не можетъ быть рѣчи о личной уніи, находящейся въ зависимости отъ жизни монарха или отъ продолжительности династіи или отъ перехода короны согласно опредѣленному порядку престолонаслѣдія; всѣ оффиціальные акты, касающіеся Финляндіи, какъ

---

*) Въ своемъ ранѣе упомянутомъ сочиненіи, изданномъ въ 1866, г. Чичеринъ говоритъ: »Реальное соединеніе состоитъ въ томъ, что престолы обоихъ государствъ объявляются неразрывно связанными другъ съ другомъ, причемъ каждое сохраняетъ свою политическую самобытность, свое управленіе или свою конституцію. На томъ же основаніи въ 1809 году присоединилась къ Россіи Финляндія, а въ 1815 году Царство Польское. Первая доселѣ имѣетъ свою конституцію, второе же, вслѣдствіе возстанія 1831 года, лишилось представительныхъ учрежденій, дарованныхъ ему Александромъ I, но остается отдѣльнымъ государствомъ въ реальномъ соединеніи съ Россіей». — Лишь послѣ второго возстанія Польша въ 1867 году обратилась въ извѣстное число русскихъ губерній.

**) См. F. Despagnet: »Les difficultés internationales venant de la constitution de certains pays». — Rev. gén. de droit intern. publ. 1895, стр. 190.

договорные, такъ и исходящіе единолично отъ царей подтверждаютъ на самомъ дѣлѣ ея вѣчное и нераздѣльное соединеніе съ Россіей».

Что касается неисторичнскихъ теорій профессора Еллинека о Финляндіи, то онѣ уже послѣдовательно и съ полной очевидностью опровергнуты г. Д. Философовымъ, а также Б. Гецомъ (стр. 37, 40—43 и 46), Л. Мишу и А. де Лапрадель (стр. 74), Фр. Деспанье (стр. 51) и др. Да и самъ Еллинекъ въ своемъ сочиненіи »Ueber Staatsfragmente» говоритъ, что права Финляндіи не могутъ быть ни отняты у нея, не измѣнены безъ согласія ея, и такимъ, образомъ, въ этомъ главномъ пунктѣ становится вполнѣ на финляндскую сторону. Вотъ буквальныя его слова: »Весь процессъ удостовѣренія финляндской конституціи и ея подтвержденіе послѣдующими монархами доказываютъ, что измѣненіе правового положенія Финляндіи въ россійской державѣ мыслимо лишь съ ея согласія; иначе это торжественное документальное удостовѣреніе финляндскихъ правъ, ихъ подтвержденіе при каждой перемѣнѣ на престолѣ не имѣли бы никакого смысла».*)

* * *

Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на крайне наивныхъ размышленіяхъ г-на Б. о территоріи Финляндіи. И въ этомъ отношеніи, разумѣется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еслибъ онъ потрудился нѣсколько внимательнѣе изучить, напр., всеподданнѣйшій отвѣтъ чрезвычайнаго сейма, то онъ въ прилож. I, стр. 38 почерпнулъ бы необходимое разъясненіе. »Обѣщаніемъ Императора со-

*) Профессоръ Г. Еллинекъ также примкнулъ къ числу подписавшихся подъ знаменитымъ адресомъ-протестомъ представителей высшей европейской культуры, въ пользу конституціонныхъ правъ Финляндіи.

хранить — говорится въ немъ — на пространствѣ Финляндіи*) прежніе, общіе для Швеціи и Финляндіи, основные законы, вся тогдашняя шведская Финляндія получила конституціонно-монархическое государственное устройство и сдѣлалась такимъ образомъ особою законодательною областью.»*) А въ 1811 г. присоединеніемъ къ Великому Княжеству Выборгской губерніи, составлявшей тогда часть самодержавно управляемой Россійской Имперіи, Александръ I распространилъ и на эту губернію конституціонное управленіе, каковое можетъ быть отмѣнено или измѣнено лишь съ согласія самого народа. Фактъ присоединія этой губерніи, стало быть, доказываетъ прямо обратное тому, что г-ну Б. хотѣлось бы доказать. Въ Высочайшемъ манифестѣ 11/23 декабря 1811 г. даже значится совершенно опредѣленно »Финляндская губернія присоединяется къ Великому Княжеству Финляндскому и въ общемъ его составѣ будетъ именоваться Губерніею Выборгскою». — Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Финляндія — какъ говоритъ проф. Энгельманъ — »не только теоретически, но и фактически составляетъ особую государственную территорію».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ какъ въ финляндскомъ, такъ и въ русскомъ законодательствѣ, равно какъ и въ дипломатическихъ актахъ правильно проведена разница между Россійскою Имперіею и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, образующими вмѣстѣ Россійское Государство.**) Прямо такъ и говорится: »Le Gouvernement Impérial de Russie, ainsi que celui du Grand-Duché de Finlande.»

Слѣдуетъ еще указать на нѣкоторыя частичныя несообразности и неправильныя толкованія, встрѣчающіяся здѣсь въ изложеніи г-на Б. Вслѣдствіе состоявшагося соединенія Финляндіи и Россіи Александръ I, по дневнику генерала

---

*) Курсивы наши.

**) Въ всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ чрезвычайнаго сейма, прил. I, стр. 41—48, этому приводится масса примѣровъ.

Михайловскаго-Данилевскаго, замѣтилъ: »Признайтесь, что границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое бы имѣло столь выгодныя границы» .... Эти слова въ дѣйствительности ровно ничего не доказываютъ, по крайней мѣрѣ не въ смыслѣ столь желательномъ для автора. Здѣсь, видимо, рѣчь идетъ о границахъ россійскаго государства во всей совокупности его, т. е. въ смыслѣ международномъ, а не о границахъ спеціально Имперіи. — Изложеніе заключенія финляндскаго прокурора Валлена относительно Выборгской губерніи является завѣдомо-ложнымъ. Уже Сенатъ энергично (а не то что »нашлись даже сенаторы» . . .) заявилъ, насколько отдѣленіе ея изъ состава Финляндіи несообразно съ точки зрѣнія основныхъ законовъ, выставляя безусловное право Земскихъ Чиновъ на участіе въ рѣшеніи этого вопроса. По существу прокуроръ вовсе »не держался другого воззрѣнія». Напротивъ того, мнѣніе его спеціально сводилось къ тому, что отторженіе этой области не могло произойти безъ попиранія правъ и преимуществъ, которыми обитатели ея пользовались на основаніи законовъ страны и которые были имъ гарантированы монаршими удостовѣреніями. Роль министра статсъ-секретаря Ребиндера при этомъ также невѣрно передана. Опасенія его за эту губернію были вызваны тѣми страшными неурядицами, которыя господствовали въ Старой Финляндіи въ періодъ до присоединенія ея къ остальной Финляндіи; въ особенности т. н. донаціонный вопросъ, т. е. вопросъ о жалованныхъ имѣніяхъ, представлялся его воображенію крайне сложнымъ и мрачнымъ. Впослѣдствіи, увидя успѣхи этой губерніи при новомъ финляндскомъ режимѣ, а также всю неосновательность своихъ опасеній, Ребиндеръ въ 1826 г. передъ Императоромъ дезавуировалъ свою прежнюю точку зрѣнія, указывая на совершенно измѣнившіяся обстоятельства.*) Но объ этомъ г.

*) Въ гнусно написанномъ, т. н. »историческомъ очеркѣ» (псевд. »Абова») объ извѣстномъ финляндскомъ государственномъ мужѣ Гу

Б. вовсе не говоритъ. — Точно также на стр. 46 тенденціозно замалчивается, что въ Высочайшемъ объявленіи 15 февр. 1864 г. N:о 5 была явнымъ образомъ обѣщана Финляндіи компенсація за уступленный Россіи Сестрорѣцкій участокъ.

ставѣ Морицѣ Армфельтѣ г. Бородкинъ дѣлаетъ видъ, будто онъ въ претензіи на Армфельта за то, что тотъ въ своихъ интимныхъ письмахъ — не предназначенныхъ, сдѣловательно, для чужихъ глазъ — со свойственнымъ ему пыломъ и энергіей называетъ русскихъ чиновниковъ Выборгской губерніи до 1811 г. — прославившихся даже въ это время крайне печальной извѣстностью — »сволочью», »примазанными медвѣдями или налакированными варварами», »разбойниками» и т. д. Г. Б. силится видѣть въ этомъ, якобы, признакъ мнимой »ненависти» Армфельта къ русскому (стр. 6 и сл.). Но чтобъ вѣрно судить объ основательности этихъ эпитетовъ, надо знать и не прикрывать безграничный произволъ и возмутительныя злоупотребленія этого самаго чиновничества въ »Старой Финляндіи», а также тотъ страшный упадокъ, какъ нравственный, такъ и матеріальный, въ которомъ въ дѣйствительности находилась эта губернія въ періодъ, непосредственно предшествовавшій присоединенію ея къ остальной Финляндіи. Что касается экономическаго положенія крестьянъ, то они болѣе и болѣе переходили въ состояніе полной зависимости отъ помѣщиковъ. Фохты, т. е. управляющіе имѣніями, являлись не только представителями сихъ послѣднихъ, но были, извѣстнымъ образомъ, и облечены властью государственной. Поддержаніе порядка, сборъ податей, а также мѣстами и исполненіе судейской власти принадлежали управляющимъ. Опираясь на покровительство и протекцію помѣщиковъ, фохты обращались съ крестьянами съ крайнею грубостью и полнѣйшимъ своеволіемъ, примѣняя къ нимъ, какъ и въ Россіи, даже тѣлесныя и тюремныя наказанія. А когда крестьяне обращались къ правосудію съ жалобами, то судъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывался безсильнымъ, а притѣсненія вслѣдствіе этого только усиливались. Столь же злополучно какъ насиліе фохтохъ было, наконецъ, и возрастающее желаніе помѣщиковъ увеличивать свои доходы и права на счетъ крестьянъ. Прежнія начала для исчисленія податей, а также право свободнаго человѣка переселяться изъ имѣній постепенно прекращались. Дошло вѣдь до того, что крестьяне въ своемъ отчаянномъ положеніи неоднократно оказывали открытое сопротивленіе. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, говорятъ, вспыхнуло не менѣе 28 крестьянскихъ возстаній въ Выборгской губерніи изъ за однихъ только притѣсненій! Чтобы подавить возстанія, нужно было призывать войска, и во многихъ мѣстахъ было

Въ этомъ объявленіи сказано дословно: »При этомъ Мы Высочайше объявляемъ, что, въ вознагражденіе за означенную землю, въ свое время будутъ присоединены къ Финляндіи или прибрежная полоса у Ледовитаго моря къ западу отъ Якобсъ-Эльфа у залива Стольбоа, объ отводѣ которой на пристанища Финляндскимъ лопарямъ уже предъ симъ возбужденъ вопросъ, или же, по надлежащей бонитировкѣ и оцѣнкѣ, свободныя угодья С.-Петербургской губерніи, расположенныя вдоль границы».

Такую же безсмыслицу — прямо говоря — г. Б. говоритъ насчетъ финляндскаго подданства, обнаруживая при этомъ лишь собственное свое незнаніе. Онъ признаетъ финляндское право гражданства, но силится почему-то отговариваться отъ существованія финляндскаго подданства. Но въ сущности вѣдь эти понятія одно и тоже, хотя и разсматриваютъ данный вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. »Отдѣльныя личности, принадлежащія къ данному народу, называются подданными, когда они разсматриваются какъ подчиненныя государственной власти, или же гражданами, когда они разсматриваются какъ субъекты самостоятельнаго права, въ силу котораго они пользуются въ государствѣ извѣстными правами по закону».*)

общимъ правиломъ, что крестьянъ только вооруженной силой возможно было принудить къ выполненію подденщины. Всего этого »Абовъ» или вовсе не касается, или лишь мимолетно; а между тѣмъ читатель уже изъ вышесказаннаго могъ убѣдиться, насколько мѣтки въ дѣйствительности выраженія Армфельта по адресу означеннаго чиновничества во время описываемаго деспотическаго режима въ Старой Финляндіи. Съ введеніемъ финляндской конституціи и самоуправленія, а также съ разрѣшеніемъ »донаціоннаго» вопроса всѣ эти общественныя язвы, конечно, совершенно искоренились.

*) Сообразно съ этимъ въ республикахъ члены государства име-

Въ всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ Земскихъ Чиновъ также ясно говорится: »И такъ какъ государственное устройство и законы Швеціи Императоромъ Александромъ I были утверждены въ силѣ для Великаго Княжества Финляндскаго, а общественный строй Россійской Имперіи зиждется на другихъ началахъ, а именно на самодержавіи, то каждый финляндскій подданный имѣетъ также самостоятельное право пользоваться въ Финляндіи правами по законамъ и конституціи ея, или другими словами, особыми правами финляндскаго гражданства, съ которымъ сопряжены другія права и привилегіи, нежели тѣ, которыя сопряжены съ русскимъ подданствомъ».*)

Г. Б. смѣло заявляетъ — со словъ, впрочемъ, Сокольскаго —, что русскій законъ, хотя и знаетъ »право гражданства »въ Финляндіи, но, также какъ и »законъ великаго княжества»(!), не признаетъ »финляндскаго подданства». — Императоръ Александръ I называетъ обывателей Финляндіи, напр., въ введеніи къ учрежденію Правительствующаго Совѣта 1809 г. »citoyens de la Finlande», а въ манифестѣ 9/21 февраля 1816 г. встрѣчаются дважды выраженія: »Финляндскіе вѣрноподданные Наши», а попеременно съ этимъ говорится о »каждомъ финляндскомъ гражданинѣ», а также, что въ члены Сената могутъ избираться »одни токмо коренные Финляндцы или водворившіеся тамъ и Финляндское Гражданское право пріобрѣвшіе». Въ гл. 4 кор. отд. Земскаго Уложенія установлено, что король долженъ править съ помощью »уроженцевъ», »а не иностранцевъ» . . . . . Въ § 10 Формы Пр. подтверждено, что »чужія, иностранныя лица» не могутъ быть употреблены на фин-

---

нуются только гражданами (citoyens), а не подданными (sujets), тогда какъ въ такихъ монархическихъ государствахъ, въ которыхъ народъ пользуется политическими правами, говорятъ какъ о подданныхъ, такъ и о гражданахъ. (См. Р. Германсонъ: »Гос.-прав. пол. Финл.», вып. 2-й, стр. 177).

*) Прил. I, стр. 39.

ляндской государственной службѣ, или назначены на оную, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они »блистательными и отличными качествами могутъ принести большую честь или особенную пользу государству». Также и по § 1 Акта С. и Б. всѣ государственныя должности въ Финляндіи имѣютъ быть замѣщаемы только »природными» финляндцами. § 1 Устава о воинской повинности отъ 27 декабря 1878 г. гласитъ: »Для защиты престола и отечества каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности», а въ § 120 этого устава говорится, что всѣ финскія войска — офицеры и нижніе чины — комплектуются изъ »финляндскихъ гражданъ». Эти статьи Устава о воинской повинности имѣютъ тѣмъ больше рѣшающаго значенія, что онѣ, согласно особому Высочайшему манифесту, получили незыблемость основного закона. И финляндское уголовное уложеніе 1889 года, равно какъ все финляндское законодательство построено на началахъ финляндскаго гражданства и финляндскаго подданства.*)

Вопреки завѣреніямъ г:на Б., и въ русскомъ законо-

---

*) Вопреки, стало быть, явнымъ положеніямъ и духу основныхъ законовъ, административнымъ лишь путемъ — т. е. не въ порядкѣ законодательномъ — постановленіемъ отъ 18/31 іюля 1902 г. »объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ(!), касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства Финляндіи» открытъ доступъ на финляндскую государственную службу всѣмъ подданнымъ Имперіи, — другими словами, всѣмъ обывателямъ Россіи нефинляндскаго происхожденія и не принадлежащимъ къ финляндскому гражданству. Сверхъ сего, отношеніемъ незаконнаго министра статсъ-секретаря отъ 27 авг./9 сент. того же года генералъ-губарнатору предоставляется, »при замѣщеніи всѣхъ должностей по финляндскому управленію, допускать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣ изъятія изъ требуемыхъ закономъ условій поступленія на службу, кои онъ признаетъ необходимыми». — Для совершенія юридическаго грабежа Финляндіи нужны послушныя орудія, нужна армія — »ташкентцевъ». Разумѣется, ни одинъ честный русскій человѣкъ, уважающій право и чужую собственность, не пойдетъ на такое дѣло, не согласится на позорную сдѣлку незаконнаго замѣщенія финляндской государственной должности.

дательствѣ и иныхъ оффиціальныхъ русскихъ актахъ предусматривается финляндское подданство. Въ этомъ отношеніи можно указать на общій сводъ законовъ Россіи, томъ IX, прил. къ прим. 1, ст. 556, въ которомъ говорится, что въ извѣстныхъ случаяхъ прошенія о запискѣ дѣтей по Финляндіи не принимаются отъ россійскихъ солдатъ и матросовъ, которые сами остаются подданными Имперіи. Въ другомъ примѣчаніи къ тому же приложенію сказано, что незаконнорожденные въ Финляндіи отъ женъ, вдовъ и дочерей россійскихъ солдатъ и матросовъ признаются подданными того края, въ которому при ихъ рожденіи принадлежитъ мать. Въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи къ проекту русскаго Уголовнаго Уложенія, часть общая, стр. 62, 1885 года также проводится послѣдовательно различіе между подданными Имперіи и подданными Великаго Княжества, какъ и вообще между Имперіей и Великимъ Княжествомъ. Въ нихъ, между прочимъ, (стр. 63) указывается, что выраженіе »россійскій подданный относится къ подданнымъ какъ Имперіи, такъ и Великаго Княжества».

Въ одномъ манифестѣ 1812 года установлены правила о заключеніи браковъ между финляндскими жителями и россійскими подданами (Полное Собраніе Законовъ 1812 г. N:o 25045). Въ сенатскомъ указѣ 1821 года, по вопросу о приравненіи финляндскихъ дворянъ и лицъ непривилегированныхъ сословій съ русскими въ отношеніи правъ на поступленіе на службу, упоминаются »дѣти финляндскихъ подданныхъ», всякій изъ подданныхъ Великаго Княжества Финляндіи» (П. С. З. 1821 г. N:o 28560). Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, объ обязанности жителей Финляндіи, равно и пребывающихъ въ оной россійскихъ подданныхъ присылать просьбы свои русскимъ властямъ на гербовой бумагѣ (1834 года), говорится: »Правило сіе не распространяется на жителей Царства Польскаго и Финляндіи, равно и пребывающихъ въ оныхъ Россійскихъ подданныхъ»

(П. С. З. 1834 г. N:o 7255). Въ манифестѣ 1838 года о сборахъ, взимаемыхъ съ иностранцевъ и россійскихъ подданныхъ, желающихъ приписаться по Финляндіи, сказано: »Единовременный взносъ сей опредѣляется а) »для иностранца, поступившаго въ Наше подданство по Великому Княжеству» и пр., и далѣе: »оно не измѣняетъ также существующихъ узаконеній относительно отъѣзда финляндскихъ Нашихъ подданныхъ» (П. С. З. 1838 г. N:o 11182 a). Высочайшій указъ 1855 года опредѣляетъ »о назначеніи трехъ ваканцій въ Пажескомъ Корпусѣ для сыновей или внуковъ финляндскихъ подданныхъ, достигшихъ высшихъ чиновъ военныхъ или гражданскихъ» (П. С. З. 1855 г. N:o 29824). Въ ст. 376 Устава о паспортахъ и бѣглыхъ, изданія 1857 года, указано: »адресные билеты подданнымъ Имперіи, Царства Полькаго и Финляндіи выдаются сообразно срокамъ предъявляемыхъ ими паспортовъ». Въ стр. 377 и 383 того же положенія также дѣлается различіе между подданными Имперіи, Царства Польскаго и Финляндіи. Русскій Консульскій Уставъ (Сводъ Законовъ, Томъ XI, ч. 2) ст. 1, прим. 1 гласитъ: »Все, что въ семъ Уставѣ говорится о Россійскихъ судахъ и подданныхъ, относится въ равной мѣрѣ до Финляндцевъ и до принадлежащихъ имъ судовъ, исключая случаи, по коимъ въ семъ же уставѣ постановлены изъятія». Въ ст. 82 того же Устава говорится: »Донесенія консула о послѣднихъ должны, вмѣсто Морского Министерства, быть доставляемы: о русскихъ судахъ и подданныхъ въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ, а о финляндскихъ въ канцелярію Финляндскаго Генералъ-Губернатора»: въ ст. 83 сказано: »Если шкиперъ откажется принять присланныхъ къ нему консуломъ солдатъ или моряковъ, то подвергается штрафу, за каждаго человѣка въ семьдесятъ пять копѣекъ, которыя, если взысканы съ Россійскихъ подданныхъ, назначаются въ пользу инвалидной кассы, а съ Финляндцевъ, употребляются согласно съ законами Великаго Княжества Финляндскаго».

Также въ дипломатическихъ актахъ дѣлается различіе между подданными Россійской Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго. Въ торговомъ трактатѣ съ Швеціею-Норвегіею отъ 26 апрѣля/8 мая 1838 года встрѣчаются выраженія: »des sujets russes ou finlandais en Suède et en Norvège», »des sujets suédois et norvégiens en Russie et en Finlande». Ст. I ковенціи между Всероссійскимъ Императоромъ и Королемъ Швеціи и Норвегіи отъ 15/27 декабря 1860 г. гласитъ: »Tout vagabond, mendiant ou criminel, né dans l'Empire de Russie ou le Grand-Duché de Finlande, et qui aurait passé en Suéde ou en Norvège, ou bien tout individu appartenant a l'une des dites catégories et qui né en Suède ou en Norvège d'un père sujet de l'Empire de Russie ou du Grand-Duché de Finlande, aura été formellement reconnu pour sujet russe ou finlandais par un document émané de la Légation Impériale à Stockholm, pourra» и т. д. Декларація 11/23 апрѣля 1864 года, »concernant les héritages meubles des sujets saxons décédés dans l'Empire de Russie et dans le Grand-Duché de Finlande et des sujets russes et finlandais décédés dans le royaume de Saxe», начинается слѣдующими словами: »Le Gouvernement Impérial de Russie, ainsi que celui du Grand-Duché de Finlande, et le Gouvernement du Royaume de Saxe, voulant régler l'intervention de leurs agens respectifs dans les affaires de succession auxquelles peuvent donner lieu les cas de décès de sujets saxons dans l'Empire de Russie, ainsi que dans le Grand-Duché de Finlande et de sujets de l'un et de l'autre pays dans le Royaume de Saxe. sont convenus» и т. д. Въ декларации 23 марта/4 апрѣля 1866 года, »concernant les héritages meubles de sujets russes et finlandais, décédés dans le Royaume de Hanovre, et des sujets hanovriens décédés dans l'Empire de Russie et dans le Grand-Duché de Finlande» мы читаемъ: »les cas de décès de sujets russes et finlandais dans le Royaume de Hanovre, et de sujets hanovriens dans l'Empire de Russie, ainsi que dans le Grand-Duché de Finlande» и т. д. Въ

»Déclaration concernant le remboursement des frais aux sujets, qui en qualité des témoins séront entendus en procès criminel devant les tribunaux dans les parties limitrophes du Grand-Duché de Finlande et du Royaume de Suede», отъ 20 мая/1 іюня 1870 года сказано: »Le Gouvernement Impérial de Russie et le Gouvernement Royal de Suède et de Norvège, ayant jugé utile d'établir une règle générale d'après laquelle, dans les parties limitrophes de la Finlande et de la Suède, les sujets de l'un des deux pays entendus comme témoins» и т. д.

Натурализація иностранцевъ и перечисленіе русскихъ подданныхъ въ Финляндію суть, безъ сомнѣнія, аналогичные акты. Въ виду того, что Имперія и Великое Княжество Финляндское имѣютъ общаго монарха и такъ какъ всѣ подданные его могутъ разсматриваться какъ подданные всероссійскаго государства (см. финляндское Уложеніе о наказаніяхъ), то не представляется надобности требовать отъ русскихъ подданныхъ при пріобрѣтеніи ими права финляндскаго гражданства новой присяги на подданство. На тѣхъ же основаніяхъ нельзя также говорить о томъ, что русскій при перечисленіи его въ Финляндію сдѣлался подданнымъ иностраннаго государства. Но онъ всеже пріобрѣлъ новое гражданское право, котораго онъ прежде не имѣлъ.

Финляндія есть сама по себѣ конституціонная монархія. Изъ этого слѣдуетъ, что у нея имѣется своя монархическая власть. Въ силу самостоятельнаго права Великаго Княжества, монархъ осуществляетъ присвоенную ему государственную власть согласно финляндскимъ законамъ. Высочайшая власть въ Финляндіи, поэтому, по своему существу является совершенно другого характера, чѣмъ въ Россіи. Будучи самодержавнымъ и неограниченнымъ въ Россійской Имперіи, Государь и Великій Князь по отношенію къ Фин-

ляндіи является носителемъ конституціонно-монархической идеи, т. е. власть его въ Финляндіи подлежитъ ограниченію основными законами и конституціей края. Признавъ Финляндію государствомъ и утвердивъ ея конституцію, Александръ I тѣмъ самымъ установилъ мысленно и особый финляндскій престолъ, о чемъ свидѣтельствуетъ внѣшнимъ образомъ и самыя формальности, соблюдаемыя при клятвенныхъ актахъ въ г. Борго. Вопросъ объ особомъ финляндскомъ престолѣ получилъ также совершенно вѣрное выраженіе въ разд. I, ст. 4 основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи. Эта статья гласитъ: »Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». Кромѣ того, форма присяги для наслѣдника престола содержитъ въ себѣ, между прочимъ, и слѣдующее мѣсто: ». . . въ званіи же Наслѣдника Престола Всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ Престоловъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола» . . . (Тамъ же, прил. III). Объявляя объ отреченіи отъ престола своего старшаго брата Константина и о собственномъ своемъ воцареніи, Николай I въ манифестѣ 12/24 декабря 1825 года, въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, говорилъ, что вступаетъ: »на Всероссійскій Престолъ Нашихъ Предшественниковъ и на нераздѣльные отъ него Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго».

Въ этихъ актахъ, стало быть, говорится, съ одной стороны, о нераздѣльности престоловъ, а, съ другой стороны, не объ одномъ престолѣ, а о престолахъ, во множественномъ числѣ. »Такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію, у провинціи нѣтъ престола — говоритъ проф. Деспанье*) — то отсюда слѣдуетъ, что по признанію самой Россіи, Финляндія есть соединенное съ нею государство, а

*) »La question finl.» . . ., стр. 68.

не одна изъ русскихъ провинцій. — Аргументъ этотъ имѣетъ тѣмъ болѣе силы, что Великое Княжество Финляндское поставлено рядомъ съ Польшей, а Польша, въ силу Акта Вѣнскаго конгресса, была присоединена къ Россійской Имперіи какъ отдѣльное государство, долженствовавшее имѣть свою отдѣльную конституцію».

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, замѣтимъ тутъ же, что право Финляндіи по существу основывается, само собой, на актѣ удостовѣренія Александра I, — на финляндскихъ основныхъ законахъ, а не на основныхъ законахъ Россійской Имперіи, »мѣняющей единолично свои установленія». *)

Къ сказанному слѣдуетъ еще присовокупить, что всероссійскіе монархи — вопреки всѣмъ завѣреніямъ г-на Б. — всегда принципіально отличали »свою сферу дѣятельности въ качествѣ Императора Россійскаго отъ таковой же дѣятельности въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго». — Мы, конечно, тутъ не говоримъ о той автократически-революціонной анархіи, которая нынѣ съ Высочайшаго одо-

---

*) Г. Б. стр. 52—53 упоминаетъ, что въ позднѣйшихъ манифестахъ говорится о вступленіи монарховъ »на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго», и силится, на основаніи ихъ, прійти къ совершенно односторонниимъ и исключительнымъ умозаключеніямъ относительно единства престоловъ. — Мы тутъ не будемъ касаться того обстоятельства, что акты, не являющіеся законами, не могутъ измѣнять или подрывать постановленіе основного закона; впрочемъ, послѣднее изданіе россійскихъ государственныхъ основныхъ законовъ появилось въ 1892 г. Намъ достаточно констатировать, что общій смыслъ приведенныхъ выше словъ, очевидно, тотъ же, что и въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи и въ манифестѣ Николая I. По поводу настоящаго вопроса проф. Германсонъ въ »Госуд.-прав. пол. Финл.», вып. I, стр. 108 совершенно вѣрно замѣчаетъ: »Мы не думаемъ даже оспаривать, что съ иной точки зрѣнія можно говорить о существованіи одного только престола, потому что, хотя Финляндія и есть государство (stat), она всеже соединена съ Имперіею въ одну державу, глава которой есть Императоръ. Когда, по-

бренія проводится русскою бюрократіей въ Великомъ Княжествѣ. Узурпація не есть легальная власть и, слѣдовательно, съ государственнымъ правомъ ничего общаго не имѣетъ. — Итакъ, вышеуказанное отдѣленіе верховной власти отмѣчалось всегда — напр., въ отношеніи законодательства, налоговъ и т. д. — такъ рѣзко, какъ только можно было его отмѣтить: финляндскія дѣла также всегда докладывались монарху особымъ сановникомъ, который, согласно инструкціи 1811 г., назначается изъ финляндцевъ, а именно финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. И что это дѣлалось, не ради какихъ-либо самодержавныхъ началъ, а именно для проведенія того положенія, что государь въ Финляндіи является конституціоннымъ монархомъ и долженъ вести финляндскія дѣла согласно основнымъ законоположеніямъ финляндской конституціи, на это имѣется весьма ясное доказательство со стороны самого Николая I-го; въ манифестѣ отъ 17/29 марта 1826 года онъ именно объявляетъ: »Желая при томъ установить для Финляндіи сообразны съ утвержденными Нами Коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти, Мы сохраняя званіе Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндіи, утверждаемъ симъ для онаго Инструкцію слѣдующаго содержанія». Согласно этому и инструкція финляндскому статсъ-секретарю содержитъ ссылку на финляндскіе основные законы въ отд. II, § 1, гдѣ говорится, что государю должны представляться, »всѣ дѣла, относящіяся до общаго Гражданскаго управленія Финляндіи, кои по кореннымъ законамъ и основнымъ Постановленіямъ онаго края, подлежатъ разсмотрѣнію Высочайшей власти».

этому, говорятъ о престолахъ, то этимъ выражаютъ, что и Финляндія есть государство (stat), а когда говорятъ о существованіи одного только престола, то этимъ хотятъ выразить, что Финляндіи составляетъ часть россійской державы. Оба эти положенія . . . нисколько другъ другу не противорѣчатъ . . .»

Мы уже видѣли, что Финляндія какъ юридически, такъ и фактически имѣетъ свою собственную монархическую власть. Она управляется не самодержавными »указами», »не по соизволенію», а »въ силу собственнаго права»*), на основаніи собственныхъ своихъ законовъ и при посредствѣ собственныхъ своихъ властей. При этомъ интересы Россіи являются, какъ извѣстно, вполнѣ обезпеченными въ виду того, что ни одинъ законъ не можетъ получать надлежащую силу, если онъ не удостоился предварительно санкціи монарха. Но за то дѣйствующій законъ въ Финляндіи — это высшая руководящая норма, одинаково обязательная для всѣхъ безъ исключенія, какъ для народа, такъ и для монарха. Итакъ Финляндія, пользуясь гарантированною ей конституціей, несомнѣнно представляетъ собой — какъ это признано также и наукой — обособленное государство, въ соединеніи ея съ Россіей.

---

*) Эти выраженія заимствованы проф. Дельпешомъ у Еллинека: »Gesetz und Verordnung», стр. 203.

VII.

Прослѣдить и обнаружить всѣ несообразности и фальсификаціи, наполняющія своеобразный трудъ г-на Б., представляетъ задачу совершенно ничтожнаго интереса. Но для полноты разбора мы всеже изъ нескончаемаго ряда завѣдомо-ложныхъ цитатъ и подтасовокъ приведемъ слѣдующія характерныя мѣста. Такъ на стр. 38 цитата изъ сочиненія, изданнаго въ 1857 г., профессора І. Б. Росенборга совершенно извращена. Росенборгъ никогда не говорилъ о »такъ называемыхъ основныхъ законахъ Финляндіи», а о »основныхъ законахъ, признанныхъ дѣйствующими». Послѣ фразы, что основные законы »отчасти не заключаютъ въ себѣ того, что въ нихъ ищутъ», слѣдуетъ для полности смысла непремѣнно привести и слова: »Поэтому, необходимо обратиться къ минувшимъ временамъ, чтобы узнать, какъ они (т. е. основные законы) тогда толковались . . . .» Но это существенное поясненіе у г. Б. совершенно пропущено, причемъ самыя предложенія произвольно переброшены, и все это, тѣмъ не менѣе, помѣщено какъ дословная цитата въ кавычкахъ. — Кромѣ ранѣе указанныхъ извращеній на стр. 38, и въ ссылкѣ, напр., на

сочиненіе Наумана, видно также полное искаженіе словъ. — Вслѣдъ засимъ г. Б. говоритъ: »Такъ, напр., въ 1766 г. при участіи риксдага былъ изданъ законъ о свободѣ печати, въ 1774 г. Густавъ III собственною властью измѣнилъ этотъ законъ . . . .» Авторъ, стало быть, не знаетъ, что законъ 1766 г. на основаніи § 39 Формы Правленія былъ отмѣненъ какъ состоявшійся въ періодъ времени отъ 1680 до 1772 гг., и что изданіе законовъ о печати считалось, поэтому, королевскимъ правомъ. — На стр. 41 г. Б. оставляетъ читателя съ умысломъ въ невѣдѣніи о томъ, что письмо къ Наполеону I, въ которомъ Александръ I называетъ Финляндію »province russe», было написано уже весною 1808 г.; оно, слѣдовательно, относится къ такому времени, когда Императоръ еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію по вопросу объ отношеніяхъ, которыя онъ намѣревался установить между Финляндіей и Россіей; помимо сего, было бы неправильно считать выраженіе »провинція», по тогдашнимъ понятіямъ, несовмѣстимымъ съ особымъ государственнымъ устройствомъ Финляндіи. — На стр. 60 г. Б. продолжаетъ свои толкованія на ту же тему, говоря: »Писатель Кастренъ, разработавшій исторію сейма въ Борго и періодъ присоединенія, называетъ Финляндію »провинціей». Это опять-таки сущая неправда! Кастренъ говоритъ дословно, что »въ означенное время не дѣлали того различія въ понятіяхъ между »провинціей» и »государствомъ», которое въ современной политической терминологіи постепенно установилось . . . . »государство» и »провинція» употребляются какъ синонимныя выраженія». — На стр. 60 мы читаемъ: »Можно затѣмъ указать много трактатовъ съ иностранными державами, въ которыхъ Финляндія (иногда вмѣстѣ съ герцогствомъ Курляндскимъ) называется то провинціей, то областью», а засимъ въ выноскѣ напечатано: »См., напр., Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, т. VI, стр. 255, на шведскомъ языкѣ т. I, 163—164, т. II, 253; 13 марта 1819 г., 9 октября 1827 г. и др.» Во-первыхъ, надо замѣтить, что указанныя постано-

вленія вовсе не суть »трактаты съ иностранными державами»! Во-вторыхъ, въ сборникѣ пост., т. VI, стр. 255 нѣтъ ни слова ни о провинціяхъ, ни о областяхъ!! Въ постановленіяхъ 13/25 марта 1819 г. и 9/21 окт. 1827 г. говорится въ русскомъ текстѣ о »областяхъ» вообще, а въ оффиціальномъ шведскомъ — о »государствахъ», — въ полномъ соотвѣтствіи, слѣдовательно, съ указаннымъ выше замѣчаніемъ Кастрена .... Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что Финляндія ни въ одномъ изъ государственныхъ актовъ, опредѣлившихъ положеніе ея въ россійской державѣ, не называется провинціей или областью.

На стр. 88 г. Б. силится вызвать нелѣпое представленіе, будто въ 1863 г. въ административномъ порядкѣ было издано постановленіе, замѣнившее собой Сеймовый Уставъ Швеціи отъ 1617 г. Какъ уже изъ собственнаго изложенія автора видно, въ данномъ случаѣ шла рѣчь лишь о выработанномъ по распоряженію правительства, для оріентированія и свѣдѣнія подлежащихъ лицъ, »Краткомъ сборникѣ дѣйствующихъ постановленій и установившихся обычаевъ, которыя примѣнимы къ порядку на сеймѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ». Сборникъ этотъ былъ — какъ замѣчаетъ и самъ г. Б. — подписанъ не всѣми сенаторами, какъ то надлежало бы при публикованіи постановленія — а лишь однимъ сенаторомъ; уже изъ одного этого обстоятельства авторъ, слѣдовательно, могъ бы судить о дѣйствительномъ характерѣ упомянутой публикаціи. Опубликованіе ея въ »Сборникѣ постановленій», наконецъ, не придаетъ ей еще значенія закона. Собранныя въ ней постановленія были въ то время разбросаны во многихъ разновременно состоявшихся установленіяхъ, а именно въ Формѣ Пр. 1772 г., въ Актѣ С. и Б. 1789 г., въ Сеймовомъ Уставѣ 1617 г., въ Уставѣ Рыцарскаго Дома 1626 г., въ множествѣ рѣшеній риксдага, въ королевскихъ объясненіяхъ и резолюціяхъ, и т. д. — Когда авторъ на стр. 90 говоритъ, что »Сеймовый уставъ Швеціи 1617 года также власти короля

не ограничивалъ, такъ какъ предоставлялъ ему право выбирать между мнѣніями большинства и меньшинства», то онъ, очевидно, не знаетъ, что на риксдагѣ 1786 г. Государственные Чины Швеціи единодушно рѣшили внести — съ воспослѣдовавшей засимъ санкціи короля — въ Сеймовый Уставъ такого рода поясненіе, что для сеймоваго рѣшенія требуется согласное постановленіе трехъ сословій, а въ случаѣ, если два сословія окажутся противъ двухъ, то вопросъ является нерѣшеннымъ и останется въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ находился прежде. Въ вопросахъ же о привилегіяхъ и о сеймовыхъ обложеніяхъ, а также (по поводу § 34 Ф. Пр.) для измѣненія основныхъ законовъ, признавалась необходимой наличность совокупнаго рѣшенія всѣхъ четырехъ сословій. — Характеристика дѣятельности графа Г. М. Армфельта на стр. 33, 92 — равно какъ и всюду въ книгѣ — совершенно ложна*). — Что касается

---

*) До неузнаваемости искаженныхъ является также упомянутый раньше очеркъ »Г. А. Абова»: »Густавъ-Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія». — Такъ, напр., »Абовъ» на стр. 6 пишетъ дословно: »Онъ (Армфельтъ) явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей шведской революціи 1772 г.» — А между тѣмъ А. родился 1 апрѣля 1757 года; будучи лишь 15 лѣтнимъ мальчикомъ, онъ тогда состоялъ на службѣ простымъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-драгунахъ Абоской провинціи и, видимо, никакой политической роли еще не игралъ! — На той же страницѣ, нѣсколько выше, говорится: »Онъ обожалъ и обманывалъ Густава III....» — это опять-таки сущая клевета! Баронъ А. ни однимъ своимъ поступкомъ или дѣяніемъ не подавалъ повода къ такому сужденію: наоборотъ, онъ былъ горячо преданъ Густаву III и оставался ему послѣдовательно вѣрнымъ до самой трагической кончины короля, искренно имъ оплакиваемой. — »Абовъ» также не постѣснился утверждать, что Армфельтъ »льстилъ Александру I» (стр. 6 и сл.). Изъ писемъ Армфельта, однако, ясно, что его положеніе возлѣ особы Императора пріобрѣлось не цѣною »лести», а довѣріемъ монарха, а это, въ свою очередь, обусловливалось взаимною внутреннею симпатіею, соотвѣтсвіемъ убѣжденій, а также, разумѣется, и блестящими внѣшними качествами Армфельта. Въ дѣйствительности Армфельтъ былъ привязанъ къ Александру I горячею личною преданностью; въ частныхъ пись-

возраженій, представленныхъ Н. М. Карамзинымъ Государю, по поводу либеральныхъ правительственныхъ плановъ относительно Россіи и Польши, то къ нимъ вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова: »Въ этой запискѣ (о древней и новой Россіи) Карамзинъ отказываетъ государю въ правѣ измѣ-

---

махъ къ своимъ ближайшимъ онъ многократно выражалъ это свое чувство прекрасными словами. Для него Александръ I сталъ въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ, чѣмъ былъ король его молодости — Густавъ III. Даже съ одра болѣзни, будучи уже надломленъ, онъ засвидѣтельствовалъ свою преданность Александру. Императоръ незамедлилъ навѣстить его, а впослѣдствіи, во время послѣднихъ недѣль жизни Армфельта, посѣщенія повторялись часто. Еще 17 августа 1814 г., за два дня до кончины Армфельта, Императоръ пробылъ у него цѣлыхъ два часа. Что вообще касается личныхъ качествъ Армфельта, то ближайшій сотрудникъ Армфельта въ финляндскомъ комитетѣ, Р. Ребиндеръ, несомнѣнно правъ, говоря въ письмѣ къ Маннерхейму: ».... Стоя близко къ личности его, я имѣлъ возможность, быть можетъ, лучше другихъ видѣть его недостатки и достоинства, но я всегда находилъ, что послѣднія многократно превосходили слабости, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ свойственны нашей человѣческой натурѣ. Его болѣе нѣтъ, но его заслуги, подобно заслугамъ многихъ другихъ оцѣнятся не раньше, какъ послѣ смерти, когда узнаютъ, кого въ немъ лишились». — На стр. 38 у »Абова» (равно какъ и у Ордина, въ выноскѣ, стр. 448, и у Еленева) въ цитатѣ изъ болѣе раннихъ писемъ Армфельта, относящихся къ періоду, когда онъ еще состоялъ шведскимъ подданнымъ, вставлено слово »финляндцы» послѣ »мы», чѣмъ получается совершенно иной смыслъ его словъ. Впрочемъ, Армфельтъ лишь въ апрѣлѣ 1811 г. переселился обратно въ Финляндію, а вскорѣ затѣмъ состоялся и переходъ его на русскую государственную службу. — На стр. 4 и 5 г. »Абовъ» ссылается на К. Ф. Ордина, выборъ котораго изъ труда біографа Армфельта, шведскаго профессора Э. Тегнера, онъ хвалитъ, называя его »чрезвычайно удачнымъ». Но при этомъ онъ не счелъ нужнымъ обмолвиться о громкомъ протестѣ противъ искаженій гг. К. Ордина и Ѳ. Еленева, опубликованномъ тѣмъ же профессоромъ Тегнеромъ въ »Finsk Tidskrift» 1900 г., первое полугодіе, стр. 42—45, еще за годъ до выхода въ печати книги »Абова» и т. д., и т. д. Общій смыслъ этого протеста находитъ себѣ, впрочемъ, полное примѣненіе и къ грязнописанію г-на Б. Въ сильно сокращенномъ изложеніи онъ помѣщенъ въ »Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1900 г., №о 117.

нять основные законы и смотритъ на государственную власть съ чисто владѣльческой точки зрѣнія; для историка, конечно, полезно быть хорошимъ государствовѣдомъ, но Карамзинъ жилъ въ такое время, когда ни историческія, ни политическія науки у насъ (т. е. въ Россіи) не получили еще сколько-нибудь значительнаго развитія . . .» *)

Вопреки всѣмъ крючкотворствамъ г-на Б. (стр. 66, 72 и сл.), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Александръ I былъ убѣжденъ въ превосходствѣ конституціоннаго образа правленія надъ чисто деспотическимъ правленіемъ, или неограниченнымъ самодержавіемъ; этому имѣется достаточно доказательствъ. Такъ, напр., Императоръ въ откровенной бесѣдѣ съ генераломъ барономъ Армфельтомъ, въ началѣ 1811 г., высказался слѣдующимъ, весьма недвусмысленнымъ, образомъ: »Клянусь вамъ, что эти порядки (конституціонные) нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе свободной волею, основанной лишь на моей личной волѣ и предполагающей въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, не свойственна человѣчеству. Здѣсь (т. е. въ Финляндіи) я могу ошибиться только въ такомъ случаѣ, если бы я этого пожелалъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія предоставляются въ мое распоряженіе; тамъ (т. е. въ Россіи) я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣнившими собою законы. — Вы увидите, какъ я думаю объ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представится возможнымъ произвести перемѣну въ моихъ владѣніяхъ, потому что я имѣю въ виду присоединить въ скоромъ времени старую Финляндію къ остальной части ея и даровать ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы».

Даже т. н. »Разсужденія», въ которыхъ приводятся мысли Александра I »о духѣ и зрѣлости политическихъ реформъ въ Россіи», никоимъ образомъ не даютъ повода къ тѣмъ предвзятымъ умозрѣніямъ, къ которымъ г. Б., во что

*) »Вѣстникъ Европы», майская книжка 1901 г., стр. 292.

бы то ни стало, хотѣлось бы прійти. Императоръ въ нихъ, очевидно, отдаетъ предпочтеніе, не »кажущимся»*) конституціоннымъ формамъ, а дѣйствительному ограниченію абсолютной власти народными учрежденіями, находя, что этотъ родъ преобразованій свойственъ народу, имѣющему больше здраваго смысла, чѣмъ любопытства, и духъ простой и прямой, короче — народу сѣверному, каковъ и русскій народъ.**)

Слѣдуетъ упомянуть нѣсколько словъ и о царствованіи Императора Николая I. Уже въ манифестѣ 12/24 декабря 1825 г. Николая I далъ Финляндіи священное удостовѣреніе хранить основные законы и конституцію страны »въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи», почти въ тождественныхъ словахъ съ актомъ удостовѣренія 15/27 марта 1809 г. Мы также видѣли, что въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи въ его царствованіе, путемъ правильной постановки вопроса о финляндскомъ престолѣ, выражено признаніе государственности Финляндіи и что въ манифестѣ 17/29 марта 1826 г. объ учрежденіи статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго встрѣчается явная ссылка на основные законы Финляндіи.***)

---

*) Эти выраженія взяты непосредственно изъ книги г:на Б., причемъ подлинность ихъ нами не провѣрена.

**) Намъ нечего и говорить, что Государь былъ того же мнѣнія и о финскомъ народѣ. »Этотъ честный и лояльный народъ — ce peuple brave et loyal... Эта нація, достойная уваженія — cette nation respectable» — говорилъ онъ неоднократно въ своихъ рѣчахъ и объявленіяхъ. »Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству....» сказано также въ манифестѣ 9/21 февраля 1816 г.

***) Довольно характернымъ для личныхъ взглядовъ Николая I на положеніе Финляндіи является также письмо, написанное имъ уже въ 1816 г. къ университетской консисторіи, вскорѣ послѣ выбора его канцлеромъ университета. Въ этомъ письмѣ великій

Насколько г. Б., однако, относится некритически къ фактамъ и даже къ собственнымъ своимъ выраженіямъ, видно и изъ слѣдующаго примѣра. Въ манифестѣ 2/14 августа 1827 г. о разрѣшеніи лицамъ грекороссійскаго исповѣданія, получившимъ право гражданства въ Финляндіи, поступать тамъ на гражданскую и военную службу содержится также слѣдующая оправдательная ссылка: ».... обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ правленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать земскихъ чиновъ Финляндіи...» Эти слова, слѣдовательно, указываютъ несомнѣнно на то, что Государь призналъ, по праву, необходимымъ соучастіе сейма по регулированію этого вопроса. Но какъ относится къ этому инциденту г. Б.? На стр. 95 онъ говоритъ, что »одинъ частный случай» едва ли можетъ служить основаніемъ для общаго заключенія. Но дѣло-то въ томъ, что это далеко не единственный случай. Въ нѣкоторой мѣрѣ аналогичный примѣръ съ предыдущимъ авторъ могъ бы найти и въ слѣдующемъ. Въ манифестѣ 21 апрѣля 1826 г. говорится дословно: »По симъ уваженіямъ и какъ обстоятельства и время нынѣ не позволяютъ предоставить на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ предположеніе объ отмѣнѣ общаго закона въ вышеизъясненномъ отношеніи, Мы положили во всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ пользоваться присвоеннымъ Намъ, по кореннымъ законамъ, правомъ помилованія, для избавленія преступниковъ отъ смертной казни». Слова эти никакъ нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ признанія законодательнаго права Земскихъ Чиновъ и что права монарха въ Финляндіи — въ данномъ

великій Николай Павловичъ между прочимъ говоритъ: »....la Finlande, heureuse sous le gouvernement paternel de sa Majesté l'Empereur, heureuse par sa constitution et par les progrès de la civilisation», etc. (См. »Några blad ur finska högskolans kanslersbok.....», Helsingfors 1865 г., стр. 25).

случаѣ право помилованія — опредѣляются основными законами Финляндіи, изъ которыхъ Форма Пр. 1772 г. и Актъ С. и Б. 1789 г. именно предоставляютъ монарху данное право.

Отмѣтимъ, наконецъ, что Николай I отказался отъ кодификаціи финляндскихъ законовъ, потому что коммиссія, которой была поручена эта работа, нашла, что для измѣненія законовъ страны, даже по формѣ, необходимо содѣйствіе сейма; отказаться — значило, въ данномъ случаѣ, — признать законодательную власть финляндскаго сейма и склониться предъ нею.*)

Царствованіе этого монарха оказалось, правда, далеко не благопріятнымъ для развитія конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи. Но, вообще говоря, Николай I, чтя высоко святость и ненарушимость царскаго обѣта, безусловно признавалъ принципъ ненарушимости основныхъ законовъ, а, слѣдовательно что его власть въ Финляндіи подлежала законнымъ ограниченіямъ.

Общеизвѣстнымъ фактомъ является, что Императоръ Александръ II оставилъ о своемъ царствованіи самую свѣтлую память въ исторіи Финляндіи. Раздѣляя всецѣло взгляды Александра I на политическое положеніе Великаго Княжества и дѣйствующую силу основныхъ его законовъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существенно даже расширилъ конституцію края. При такихъ обстоятельствахъ намъ незачѣмъ распространяться объ этомъ царствованіи. Мы ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ обычныхъ подтасовокъ г-на Б.**) — На стр. 98

---

*) Фр. Деспанье: »Финл. вопр. . . .», стр. 24.

**) Судя по изложенію г. Б. на стр. 99—100, можно было бы предположить, напр., что Александръ II говорилъ, будто основные законы Финляндіи пока не могли »стѣснять или въ чемъ-либо ограничивать исконную самодержавную власть». Этихъ глубоко непрадивыхъ словъ Александръ II во всю свою жизнь, конечно, никогда не произносилъ!!

авторъ признаетъ удобнымъ не приводить текста манифеста 29 марта/10 апрѣля 1861 г.; въ немъ между прочимъ значится: »..... Мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ необходимости многихъ законодательныхъ мѣръ, отъ которыхъ существенно зависитъ преуспѣяніе края какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ развитіи, но которыя по основнымъ законамъ Великаго Княжества не могли быть приняты безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, и, такимъ образомъ, нѣкоторыя дѣла съ самаго присоединенія Финляндіи къ Имперіи оставались въ прежнемъ положеніи». — Подобнымъ образомъ г. Б. на стр. 99 не приводитъ самыхъ характерныхъ для взглядовъ Александра II мѣстъ изъ тронной рѣчи его при открытіи сейма 1863 г.*) Императоръ при этомъ говорилъ: » . . . Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе сейма ..... Отчетъ о положеніи финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ ..... Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ, который также будетъ сообщенъ вамъ, покажетъ, что нынѣшніе доходы государства достаточны для погашенія этого долга съ процентами. При всемъ томъ, Я желаю, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключенъ безъ участія сейма Великаго Княжества, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія, которыя побудили бы Насъ уклониться отъ этого» . . . »Оставляя

*) Объ этой самой рѣчи Фишеръ (»Finland and the Tsars», стр. 84) между прочимъ говоритъ, что выраженія ея »вполнѣ достаточны, чтобы поставить конституціонныя права Финляндіи внѣ всякаго сомнѣнія . . .»

неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ правы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму — опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собой инціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона. Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ....»

Г. Б. счелъ также возможнымъ выставить на показъ какія то совершенно неосновательныя и туманныя инсинуаціи по адресу учрежденнаго въ Гельсингфорсѣ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 9 марта 1885 г. временнаго кодификаціоннаго комитета. Капитальнымъ трудомъ этого комитета появились: »Проектъ Формы Правленія для Великаго Княжества Финляндскаго», »Проекты сословныхъ привилегій», а также »мотивы» къ этимъ проектамъ. При необходимой компетентности, эти труды составлены — какъ значится на заголовкѣ — »сообразно съ дѣйствующими основными законоположеніями» и »съ дѣйствующими постановленіями о привилегіяхъ». Вотъ, между прочимъ, примѣръ, какъ г. Б. обращается съ этимъ цѣннымъ матеріаломъ. На стр. 123 мы читаемъ: »Комитетъ Вейсенберга, исходя, напримѣръ, изъ того положенія, что въ Швеціи, во времена Христофора, былъ одинъ король, а также руководствуясь закономъ 1442 г., дѣлалъ тотъ выводъ, что Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіей, т. е. »отдѣльно отъ всѣхъ государственныхъ установленій и силъ имперіи». Эти слова мы, признаться, нигдѣ не могли отыскать въ трудѣ комитета, хотя, съ другой стороны, и совершенно ясно, что

монархъ управляетъ Финляндіей при посредствѣ финляндскихъ властей; къ тому же, въ »мотивахъ» относительно § 10 мы читаемъ совершенно иную мотивировку, чѣмъ ту, которую г. Б. изволитъ привести. Тамъ сказано: »..... первый пунктъ § 10 постановляетъ, что »Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіей способомъ, указаннымъ въ § 2 сей Формы Правленія». Словомъ »одинъ» (allena), которымъ комитетъ, согласно со шведскою Формою Правленія 1809 г., передалъ слова: »онъ и никто другой» въ § 2 Формы Правленія 1772 г., правительственная власть признается за однимъ только Императоромъ и Великимъ Княземъ. Что Монархъ, однако, не обязанъ въ настоящее время въ томъ же смыслѣ, какъ во время соединенія Финляндіи со Швеціей, лично завѣдывать управленіемъ, — это комитетъ попытался разъяснить ниже, въ мотивахъ къ §§ 18—29». (Относительно Финл. Сената). — Далѣе г. Б. говоритъ: »Мало того, финляндцы проектировали, чтобы »всякій актъ, содержащій рѣшеніе императора и великаго князя, считался недѣйствительнымъ, если онъ не контрасигнированъ или не подписанъ статсъ-секретаремъ», который »долженъ быть изъ урожденныхъ финскихъ людей». Это совершенно правильное положеніе комитетъ мотивируетъ слѣдующимъ юридически—историческимъ изслѣдованіемъ, о которомъ г. Б., конечно, не упоминаетъ: »Уже въ § 12 Формы Правленія 1634 г. говорится: »Всѣ публичные акты, прежде чѣмъ они докладываются Королю для подписанія, должны быть просмотрѣны и подписаны Государственнымъ Канцлеромъ или тѣмъ, кто занимаетъ его мѣсто, другіе же — Канцлеромъ Двора (hofkansler) или тѣмъ секретаремъ, который ихъ представляетъ, все согласно данной для того спеціальной инструкціи». Здѣсь высказывается, такимъ образомъ, то правило, что дѣла, разрѣшаемыя монархомъ, должны быть ему докладываемы разными должностными лицами государства и при этомъ должна

быть надлежащая контрасигнація. Это основное положеніе, изложенное подробнѣе въ § 23 Формы Правленія 1719 г. и въ § 28 Формы Правленія 1720 г., вошло затѣмъ въ § 21 Формы Правленія 1772 г., по которому контрасигнація имѣетъ цѣлью засвидѣльствовать то, что исходящая бумага дѣйствительно согласуется съ рѣшеніемъ монарха. Помянутый параграфъ лежитъ въ основаніи §§ 8 и 25 Высочайшей Инструкціи 6-го ноября 1811 г. и §§ 1—11-го статьи 2:ой Высочайшаго Манифеста 17 марта 1826 года.» *)

Примѣровъ относительно своеобразныхъ пріемовъ г:на Б. можно, какъ видно, привести сколько угодно.

Этимъ мы заканчиваемъ наше опроверженіе брошюры генерала М. Бородкина. Читатель могъ, съ одной стороны, убѣдиться, что изложеніе его какъ въ частностяхъ, такъ и въ общихъ выводахъ всецѣло грѣшитъ противъ истины и фактическаго положенія вещей. Мы съ полной очевидностью доказали, что книга этого автора, всѣ его т. н. »прочно обоснованныя соображенія», его »тезисы» построены на одной лишь завѣдомой лжи и подтасовкѣ, представляя собой ничто иное, какъ рядъ попытокъ гнуснѣйшаго обмана. Съ другой стороны, совершенно очевидно, что конституціонное право финскаго народа, освященное временемъ и обезпеченное взаимными клятвами всѣхъ русскихъ монарховъ и финскаго народа, зиждется на самыхъ прочныхъ и непреложныхъ основахъ. Характерно при этомъ, что чѣмъ болѣе изслѣдуешь означенныя правовыя основы, тѣмъ болѣе поражаешься солидностью ихъ.

*) См. стр. 88 настоящей брошюры.

Финляндцы могутъ, поэтому, передъ всѣмъ міромъ наглядно показать, что скромное, но цѣлесообразное и стройное зданіе ихъ общественнаго и государственнаго строя воздвигнуто на твердомъ и непоколебимомъ грунтѣ и что, поэтому, всѣ неистовыя усилія шайки русскихъ публицистовъ-шовинистовъ пошатнуть и подорвать правовыя основы политическаго положенія Великаго Княжества противорѣчатъ какъ истинѣ, такъ и разуму, а потому, по необходимости, останутся лишенными всякаго смысла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе, стр. 3.

I.

Финляндія именуется государствомъ въ оффиціальныхъ актахъ, стр. 6. Единство мнѣній финляндцевъ относительно государственно-правового положенія ихъ отечества, стр. 10.

II.

Историческій интересъ манифестовъ, декларацій и пр. объявленій, воспослѣдовавшихъ до клятвеннаго акта въ г. Борго, стр. 16. Учредительное значеніе въ государственно-правовомъ смыслѣ боргоскаго акта, стр. 17. Фридрихсгамскій мирный трактатъ и его относительное значеніе, стр. 18.

III.

Основные законы, стр. 22. Вполнѣ опредѣленное значеніе термина »коренные законы» (grundlagar, loix fondamentales) въ актѣ удостовѣренія Александра I, стр. 24.

* * *

Главнѣйшіе моменты боргоскаго клятвеннаго акта, стр. 28. Выдержки изъ конституціонныхъ рѣчей Александра I, стр. 32.

IV.

Ссылки финляндцевъ періода соединенія Финляндіи съ Россіей на основные законы, стр. 35. Присяга Земскихъ Чиновъ, стр. 40.

V.

Лояльное соблюденіе Александромъ I удостовѣренной имъ конституціи Финляндіи, стр. 42. Значеніе удостовѣренія Александра I, стр. 43. Несостоятельность т. н. »доказательствъ» г:на Б., стр. 44.

* * *

Оффиціальный языкъ въ Финляндіи, стр. 45. Противозаконность манифеста 7/20 іюня 1900 г. о введеніи русскаго языка въ высшемъ административномъ управленіи Финляндіи, стр. 47.

* * *

Учрежденіе Правительствующаго Финляндскаго Совѣта, стр. 52. Главнѣйшія постановленія сенатскаго регламента имѣютъ свойство основного закона, стр. 53. Незаконность декретовъ отъ 26 авг./8 сент. 1902 г. объ измѣненіи учрежденія Имп. Финл. Сената, стр. 56.

* * *

Боргоскій сеймъ былъ рикедагомъ въ предусмотрѣнномъ Формой Правленія смыслѣ, стр. 58. Неудобопримѣнимость нѣкоторыхъ постановленій Формы Правленія, о престолонаслѣдіи и пр. съ этимъ связанныхъ вопросахъ, стр. 59. Общій характеръ Акта Соединенія и Безопасности, стр. 61. Планы Александра I относительно вторичнаго созыва сейма, стр. 62. Свидѣтельства современниковъ о царствованіи Александра I, стр. 63.

VI.

Финляндія имѣетъ необходимые элементы для признанія ея государствомъ (stat), стр. 65. Мнѣніе выдающихся русскихъ государствовѣдовъ по сему предмету, стр. 65. Единогласное заклю-

ченіе западноевропейскаго ученаго міра, стр. 67. Финляндія имѣетъ собственную свою территорію, представляя собой особую законодательную область, стр. 75. Финляндское право гражданства и финляндское подданство, стр. 79. Особая монархическая власть Финляндіи, стр. 85.

VII.

Дальнѣйшіе примѣры несообразностей и фальсификацій въ книгѣ г.на Б., стр. 90.

* * *

Заключеніе, стр. 102.